

Андрей Козырев

САД КАМНЕЙ

Стихотворения

Омск – 2025

ББК 84(2Рос=Рус)6
К45

Козырев, А.

Сад камней: сборник стихотворений. – Омск: Менестрель,
2025. – 218 с.

В сборнике известного поэта, члена Союза писателей Москвы, главного редактора литературного журнала «Менестрель» Андрея Козырева собраны стихотворения, написанные в 2020-2025 годах и ранее.

Д.К. – с любовью и верой

* * *

*Так вот она, моя дорога в рай:
Маршрутка-дом-работа-крематорий,
Откуда испарюсь я невзначай,
Спрямив круги астральных траекторий.*

*Я в небеса взойду, сложив мотив
О нищете, о чести и о жести,
На собственной хребтине изучив
Всю инфернальность городских предместий.*

*Пшит, придурок, лишний человек,
Храбрейшая из всех дрожащих тварей,
Здесь встретил я обильный честью век,
Обласканный опалой государей.*

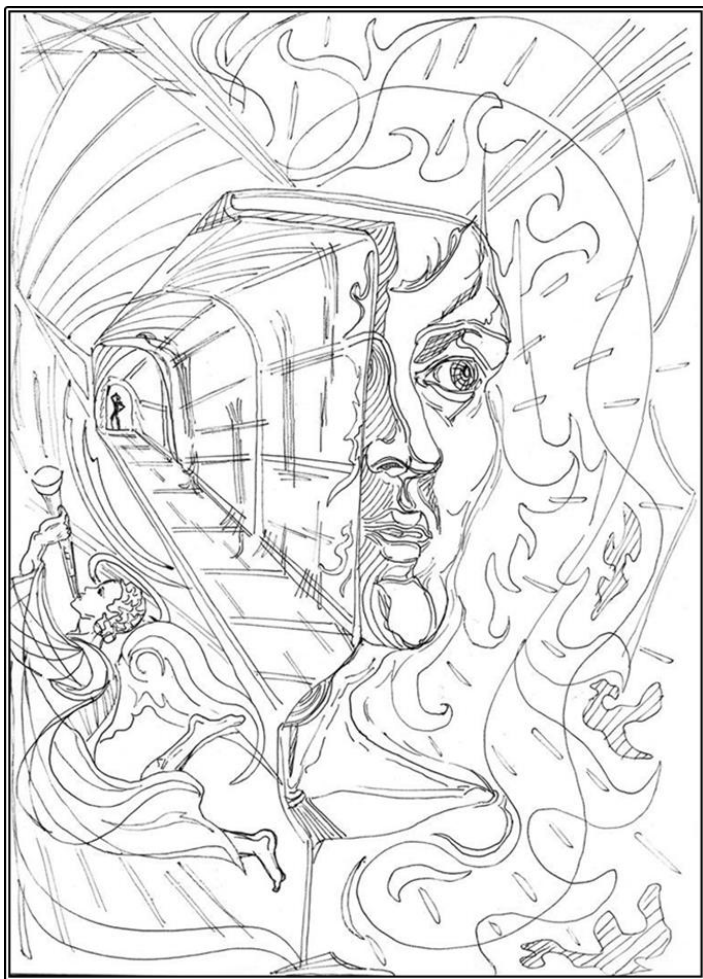
*И мне от грозных и смешных царей
В удел достались – вопреки заветам –
Жёлчь фонарей и слякоть пустырей,
Где так привольно дышится поэтам.*

*Я здесь торчу, шепчу и грязь топчу,
Блистательною праздностью увенчан,
Брюзжу, брожу кругами и ворчу
На спесь друзей и недоступность женщин.*

*Дорога в рай ведет сквозь грязь и слизь,
И ей брести хоть глупо, но не стыдно,
Ведь путь по кругу – он выводит ввысь,
Хотя кому-то это и не видно.*

■ Внутрі

ПРОПОВЕДЬ ПТИЦАМ

НЕ ТОЛЬКО О ПИДЖАКЕ

Кто я такой? – Поэт. Брехун. Чудак.
Меня таким придумали – не вы ли?
Ромашками давно зарос пиджак.
И валенки грязны от звездной пыли.

У времени прибой есть и отбой.
Я установлен, как закон, в природе, –
Не бегая за модой, быть собой,
Ведь солнце, не меняясь, вечно в моде.

Бог поцелует мне обуглил лоб,
И мне плевать, что обо мне болтают:
Какой неряха, чудик, остолоп, –
Пиджак цветет, и валенки сияют!

ВРАЩЕНИЕ ЗЕМЛИ

Федору Конюхову

Все как обычно, жизнь есть вещь простая:
Не из корысти, а здоровья для
Я ем и пью, скучаю и гуляю,
А подо мной вращается Земля.

Все как обычно, все вокруг родное:
Простор и храм на звездном берегу.
Земля так быстро мчится подо мною,
Что на ногах стоять я не могу.

В ночи под звездной золотой ордою
Шумят леса и мчатся корабли.
Я вижу небо над и под собою,
По обе стороны большой Земли.

Вращаются циклические мысли,
Жизнь катит волны где-то там, вдали,
И надо с лодки слезть на дальнем мысе,
Чтоб ощутить вращение Земли.

Все у тебя о `кей в житейском плане:
Проснуться в шесть, на завтрак полчаса...
А кто-то в лодке в Тихом океане
Читает Библию и смотрит в небеса.

А я сибирскою зарею ранней,
Забыв про город, тонущий в пыли,
Лежу на сердце родины бескрайней
И слушаю вращение Земли.

ВОРОБЬИНАЯ ОДА

Воробей, ты – великая птица...

Юнна Мориц

Неужели тебя мы забыли?
Для меня ты всегда всех живей –
Спутник детства, брат неба и пыли,
Друг потех и забав, воробей!

Ты щебечешь о небе, играя,
Неказистый комок высоты –
Сверху – небо, внизу – пыль земная,
Между ними – лишь ветка да ты!

Как ты прыгаешь вдоль по России
На тонюсеньких веточках ног –
Серой пыли, особой стихии,
Еретик, демиург и пророк.

В оптимизме своем воробейском,
Недоступном горам и лесам,
Научился ты в щебете детском
Запрокидывать клюв к небесам.

Воробьиною кровью живее,
От мороза дрожа, словно дым,
Я, как ты, ворожу, воробею,
Не робею пред небом твоим.

И зимой, воробьясь вдохновенно,
Не заботясь, как жил и умру,
Я, как ты, воробьишка вселенной,
Замерзая, дрожу на ветру...

Но, пока ты живешь, чудо-птица,
На глухих пустырях бытия
Воробьится, двоится, троится
Воробейная правда твоя!

* * *

Живу, как все. Гуляю на работу,
По вечерам читаю свой журнал.
Мне кажется, что я утратил что-то.
Но что? Неясность, прочерк и провал.
Как будто я, в гроссбухе сверив счеты,
Нашел, что где-то что-то потерял.

Но только что? В мозгу упала шторка.
В подобном мраке и себя-то не найти.
Как будто изменили точку сборки
И выдернули вилку из сети.
Что потерял – не помню, право слово,
Хоть помню год, и месяц, и число.
Чего-то нет, хорошего такого,
Но вот не знаю, именно чего.

Когда такая муть стряслась на стыке,
Уже не важно, что нас ждет в конце.
Как будто музыка еще не стихла,
Но выстрелы дополнили концерт.
Пью, не пьянея. Разом скисли вина,
И бутерброд с халвой не лезет в рот.
Задумал маслом написать картину –
Но и она отвлечься не дает.
Не сплю, не ем, все вычурно и пресно,
Боюсь, чуть-чуть – наскучит и нытье...
Чего мне не хватает? Всем известно,
Все в мире начинается с нее.

Все в жизни поправимо, кроме смерти,
Но ложных выходов не меньше, чем проблем.
Мне не хватает одного, поверьте,
Того же, что всегда, везде и всем.
Не просто так тоска тоскущая напала,
Меня не изменить – хоть уши оторви...
На свете всякого добра навалом,
Но не хватает главного – любви.

Потом, потом, когда-нибудь,
Давно забыв минуты эти,
Ты ощутишь, как вешний ветер
Предательски волнуется грудь.
Забыв меня, припомнишь ты
Весну, и легкий хмель азарта,
И мокрый снег, и ветер марта,
И тишину дворов пустых.
Припомнишь ты когда-нибудь
Весенний двор, звонок трамвая
И то, как морось голубая
Летела на трамвайный путь.
И в прошлое посмотришь ты,
Как после сна, подняв ресницы...
Так смотрят на добычу птицы
С недостижимой высоты.
А я? Поверь, я только рад,
Что первое тепло вступило
В свои права — и с новой силой
Лучится твой вишневый взгляд.
Меня не вспомнишь ты — и пусть!
Без имени, лица и слова
Я в кровь твою проникну снова,
Как легкая, хмельная грусть.
Все сгинет, кончится, пройдет,
И наше чувство растворится
Среди других, и даже лица
Судьба из памяти сотрет...
Но, даже если все прошло, —
Пройдя к тебе сквозь все границы,
Судьбе и времени назло,
Как ложь, мечта или небылица,
Тебе ночами будет сниться
Мое случайное тепло.

МАРТ

Он умрет, улыбаясь весне,
Весь из солнечных зайчиков соткан, –
Ноздреватый оплавленный снег
Под оплавленным мартовским солнцем.

Одноглазый взъерошенный кот,
Пробираясь по рыхлому снегу,
У забот наши мысли крадет
Вдохновляюще нагло и смело.

И смешон наш стандартный уют,
Где в снегу, сквозь сугробы и лужи,
Деловито-угрюмо снуют
Бледнолицые мудрые люди!

Но в трамвае помятый поэт
Что-то пишет в помятой тетради,
На хмельной неприкаянный свет
Сквозь очки неприкаянно глядя.

Оседают сугробы, ворча,
Просветлели весенние дали.
Здравствуй, солнце мое. Невзначай
На всю жизнь мы счастливыми стали.

Небо к нам подступает в упор,
Плачут солнцем сожженные нервы!
Бог для чувства дает нам простор,
Развернув наше общее небо.

Так что не отворачивай глаз,
Глядя в мир, словно в сумрак колодца, –
Этот страшный, торжественный час
Лишь однажды от Бога дается.

Подсчитай это все, подсчитай,
Все явления, и акты, и жертвы.
Шебутной неприкаянный рай
Ждет красивого слова и жеста.

Непроспавшийся мир вразуми,
Зафиксируй невспаханной речью
И по прозе бескровной зимы
Запусти стихотворной картечью!

* * *

ветер, дым, хруст
хруст льда под ногами
хруст переломленных веток
строк
жизней
ветер сбивает с ног
бегу бегу домой
по хрусткому льду
теряя дыхание
рука леденеет на ветру
в ней дрожит твой голос
щекочет ухо мурлычет звенит
греет спасает

с детства я окаменел
и льда не боялся
почему именно сейчас
сердце мое оттаяло
когда материки снова льдом укрываются
надолго надолго
надолго

лед под ногами
лед в глазах вокруг
трещит скользит оплывает
в сердцах людей сдвигаются ледники
над головой трескается и плывет куда-то
Северное Ледовитое небо
мир сдвигается с места
а в висках
льдинкой звенит
тысяча первое эхо
вселенского оледенения
сердец

БЕЛЫЕ СТИХИ

Все изменилось этою весной,
Смешалось в нашей жизни и в природе –
Земля над небом, небо под землей,
Лед и молчанье, гордость, боль и память.
Когда глядишь кому-нибудь в глаза –
Молчишь и видишь ледяные слезы,
Лед, впаянный во взгляды и в сердца.
За ними – пламя. Пламень подо льдом.
Огонь, распад, сумятица и смута.
Мы постарели и помолодели,
И умерли, и сделались детьми.
Никто не смог остаться в стороне.
Всех обожгла весна, всех опалила,
Сожгла, убила, чтобы разбудить.
Все изменилось этою весной.
Весь мир. И я, – я тоже изменился.

Я разучился жить. Я сплю весь день
И выхожу из дома лишь под вечер,
В неверной, скользкой тьме,
иду угрюмо
По льду и снегу,
вдоль холодной жизни,
И скалятся угрюмо подворотни,
И ночь угрюмо дышит мне в лицо,
И окна смотрят тусклыми глазами,
И я боюсь взглянуть земле в глаза –
Большие,
неприветливые,
злые.

Иду во тьме – лед подо мной и в небе.
Глазами, кожей, чуткими ноздрами
Ощупываю предвесенний воздух –
Ищу твое присутствие во всем.

Ищу тебя –
и нахожу весну,
Растерянную, нежную, живую,
Искавшую, нуждавшуюся в нас.
Наивно,
как бродячая собака,
Она подходит в темноте ко мне –
К тебе она сейчас подходит тоже –
Она испугана, но хочет доверять,
В нас носом тычется, но смотрит осторожно,
Боится, и надеется, и ждет.
Она промерзла, как земля, насквозь,
Она ждет нас и нашего тепла.
Я знаю, что без нас весны не будет.

Прости меня – я очень жду тебя.
Я чувствую, что ты – уже со мной
По дрожи пальцев, по биению сердца,
По оторопи, охватившей тело,
По перелому чуткого стиха.
И я шепчу пронзительной весне,
Что благодарен за простор и холод,
За нежность оробевшего пространства,
За ветер, не по-зимнему жестокий,
За то, что мне впервые в жизни страшно,
За что, что я боюсь – не за себя.
Я жду тебя. Я очень жду тебя.
Я ждал тебя всю жизнь. Я ждать умею.
Прости, но наше счастье ждет обоих.
Оно еще боится нашей встречи,
Но ждет ее – сильнее, чем я, чем ты.
Нас ждет весна – одна для нас двоих.
Я знаю, без тебя весны не будет.

Прости меня. Я очень жду тебя.

АПРЕЛЬ

Как полнозвучная монета,
Звенит апрель.
Все ярче солнце, все просторней
Зиянье дня.
Светлеет даль, чернеют ветви,
И льнет к лучу
Внутри прозрачного сосуда
Росток весны.

Внутри прозрачного сосуда –
Прозрачен мир.
Под звонким, под стеклянным небом
Курлычет лед.
Смеясь и плача, под ногами
Звенит стекло.
Прозрачность, хрупкость, звон и холод –
Везде, во всем.

Все в мире кажется стеклянным,
Лишь только тронь –
Заплачет, звякнет, разобьется
Строка и жизнь.
Стеной стеклянной между нами
Стоит запрет
На встречу, нежность, боль и ласку,
Стоит всерьез.

Так чист, и солнечен, и страшен
Великий пост.
Нисан, прозрачный и холодный,
Священно пуст.
Семь страшных дней под хрупким небом
Дает весна –
Для одиночеств и наитий,
Для тишины.

Но в звоне льда в сердцах и в небе –
Благая весть.
Весна во мне пускает корни –
И вглубь, и ввысь.
Разлука смыта половодьем,
Звенит простор,
И вновь парит в слепой лазури
Увядший лист.

Шагай один, смотри за стекла
И встречи жди.
Еще не вышел срок, быть может,
Но время сверь:
Звучит благая весть апреля
Сквозь синий звон –
Предпостижение свободы
И чистый свет.

КЛЕЙКИЕ ЛИСТЬЯ

Простите меня,
клейкие листья апреля,
Коли был я в чем-то перед вами нечист.
До этой ясной весны дожил я еле-еле —
Я, прошлогодний, желтый, свернувшийся лист.

Тысячи зеленых храмов трезвонят по мне,
Тысячи храмов на каждой ветке зовут меня.
Я хочу затеряться в этом зеленом огне,
Спрятаться в ласковой сердцевине дня.

Вы никогда не солжете мне, клейкие листья,
Вы скажете, зачем я жил, всему подведете итог...
Вы перебираете ветер, словно струны, руками артистов,
И по черным кистям взбегает ярко-зеленый бог.

Голубое небо увеличивает все, как лупа,
Черная земля вдыхает весенний пар...
Боже, боже мой, как это все глупо —
Жить небом, не завоеванным, доставшимся в дар!

Зеленые листья, скажите, что я сделал вам,
Взвесьте меня на ваших весах — строго и неподкупно,
Впустите меня в ваш прозрачный зеленый храм,
Чтобы подпольное небо мое не было так неприступно!

Я вижу крохотные сердечки в каждом листе,
Великую Середину, в которой все свято и чисто...
Простите меня, очистите, проторите мне путь в пустоте,
Молитесь,
молитесь за меня,
клейкие листья.

* * *

Под небом ослепительно бездонным
Тащил меня в неведомый мне край
В железных брызгах солнечного звона
Мучительный челябинский трамвай.

По праву пришлеца и ротозея
В тот день я, как в железную кровать,
Пристанища в Челябине не имея,
Залез в трамвай, чтоб полчаса поспать.

Слегка нетрезво, но завидно резво
Весна нашла иной маршрут и цель.
Трамвай, трясаясь и прыгая по рельсам,
Железным телом ощущал апрель.

Дремля в скрежещущей трамвайной бездне
В начале ослепительного дня,
Я в пестром звоне, грохоте и блеске
К своим виденьям рифмы подгонял.

Мечтательно клюя пространство носом,
Неволью совершая реверанс,
Я задавался непростым вопросом:
Кто погрузил меня в священный транс.

Плыло пространство, солнце взгляд слепило,
И сквозь меня дышала горячо
Любовь, что движет солнце и светила,
Тебя, меня и что-то там еще.

Весна вгрызалась в кровь грешно и едко,
Фантазиями странными дразня...
Я до сих пор в трамвае этом еду
И жду, куда он привезет меня.

* * *

Утоли мои печали
Светом солнечного дня,
Стуком маленьких сандалий
На дорожке у плетня,

Детским смехом, чистым взором,
Неспешащим разговором,
Красотой всея Земли
Жажду жизни утоли.

Дай мне, жизнь, поверить в Бога,
Что всегда сильнее зла,
И в придачу — хоть немного
Человечьего тепла.

Дай приют, что мне не тесен,
На столе — огонь свечи,
И еще — немного песен,
Мной написанных в ночи.

Дай мне верные ответы
В споре памяти с судьбой,
И еще — немного света,
Сотворенного Тобой.

* * *

Где-то в небе Бежин луг
Зацветает в тишине.
Мой двойник, небесный друг,
Там гарцует на коне.

Он летит в свое ничто,
Облака — над ним и в нем.
А внизу — земной простор
Весь порос сухим быльем.

А во мне — зима навек,
Белый окоем окна.
Яблоками пахнет снег,
Снегом пахнет тишина.

А во мне — изба да печь,
Треск свечи да сон зерна.
Там, где нечего беречь,
Там и смерть нам не нужна.

Там, где некого беречь,
Там и некого любить.
Вот тогда речушка-речь
И несется во всю прыть

В то ничто, где Бежин луг
Зацветает над землей,
Где летит небесный друг
И меня зовет с собой.

* * *

Я разбил над землей
В сиреневый этот вечер
Свой невидимый сад —
Тропинки, арки, аллеи;

Осколки снов и надежд,
Паденья, метанья, взлеты,
Сиянье белых одежд,
Следы на песке дороги;

Фигуры из давних снов,
Случайные взгляды из дали,
Где тень Твоя восстает
В день третий над тихим миром;

Сиреневый горизонт,
Зелень сходящихся тропок —
Невидимый сад надежд
Под небом обетованным.

ЗАПРЕТНЫЙ ГОРОД

В запретном городе моем,
В оазисе моем —
Аллеи, пальмы, водоем,
Просторный белый дом.

Туда вовеки не войдут
Ни страх, ни суета.
Там жизнь и суд, любовь и труд
Цветут в тени Креста.

Там тысячью горящих уст —
Лиловых, огневых —
Сиреневый глаголет куст
О мертвых и живых.

Там полдень тих, там зной высок,
Там все Господь хранит —
И прах, и пепел, и песок,
И мрамор, и гранит.

Там миллионы лет закат
Горит во весь свой пыл,
Там голубь осеняет сад
Шестеркой вещей крыл.

Дрожит в тени семи ветвей
Горящая вода,
И в дом без окон и дверей
Вхожу я без труда.

Там, в одиночестве моем,
Заполненном людьми,
Звучат сияющим ручьем
Слова моей любви.

Там огненно крылат закат,
Оттуда нет пути назад...
Но где они, не знает взгляд,
Ищу их вновь и вновь —
Запретный дом, запретный сад,
Запретную любовь.

ВКУС ЗЕМЛЯНИКИ

Зелень заполнила сад, прихватив даже неба кусочек,
Чаша пространства полна блеском и щебетом птиц.
Ягоды сочно алеют на лучезарной лужайке,
Алость зари в их крови землю насквозь проросла.
Ягоду пробую я, имени сочно лишая,
Чувствую сладостный вкус – спорят во рту жизнь и смерть.
Там, где рождаются слова, ягода плоть потеряет,
Душу иную найдет, в теле не развоплотясь.
Жизнь – круговерть перемен, путь из утробы в утробу.
Но не ужасен сей путь, а вечно радостен нам.
Все, что цветет и растет, увлажнено слезной влагой
Тех, кто ушел, кто с землей слился и почвой живит.
К нам обращают они речь в каждой ягоде новой:
Цвет превратился во вкус, вкус превратился в меня,
Я превращаюсь в стихи, в музыку, в блики рассвета...
Все это – я, все – во мне, Слово – в начале всего.
В музыке музыка, в запахе запах, а в цвете оттенок –
Ягода вкусом в сознание сочный рисует пейзаж.
Я говорю о плодах, вкусе и сочности жизни...
Дай же мне, Господи, сил воспеть его – вкус земляники.

* * *

Мы расстались... Дома тихо спят,
И дорога шумит недалеко...
Люди все объяснят, все простят,
Но от этого сердцу не легче...

Над домами плывет сизый дым,
Дым прощальной обманчивой речи...
Это может случиться с любимым,
Но от этого сердцу не легче...

Дождь стекает и капает с крыш
На лицо мне, на шею, на плечи...
Ты простишь меня, знаю, простишь,
Но от этого сердцу не легче...

Эту боль, этот ад, этот стыд —
Хоть когда-нибудь время излечит?!
Бог когда-то нас тоже простит,
Но от этого сердцу не легче.

ПЕСНЯ

Этой ночью, быть может, себе на беду,
Я проснусь под сияньем мятежной звезды,
Я из дома пойду к вековому пруду,
Чтоб услышать дыхание черной воды.

Тяжело оно, горько, дыханье воды,
Налита она болью ушедших веков...
Как в ночи под сияньем мятежной звезды
И шуршит, и шумит, и волнуется кровь!

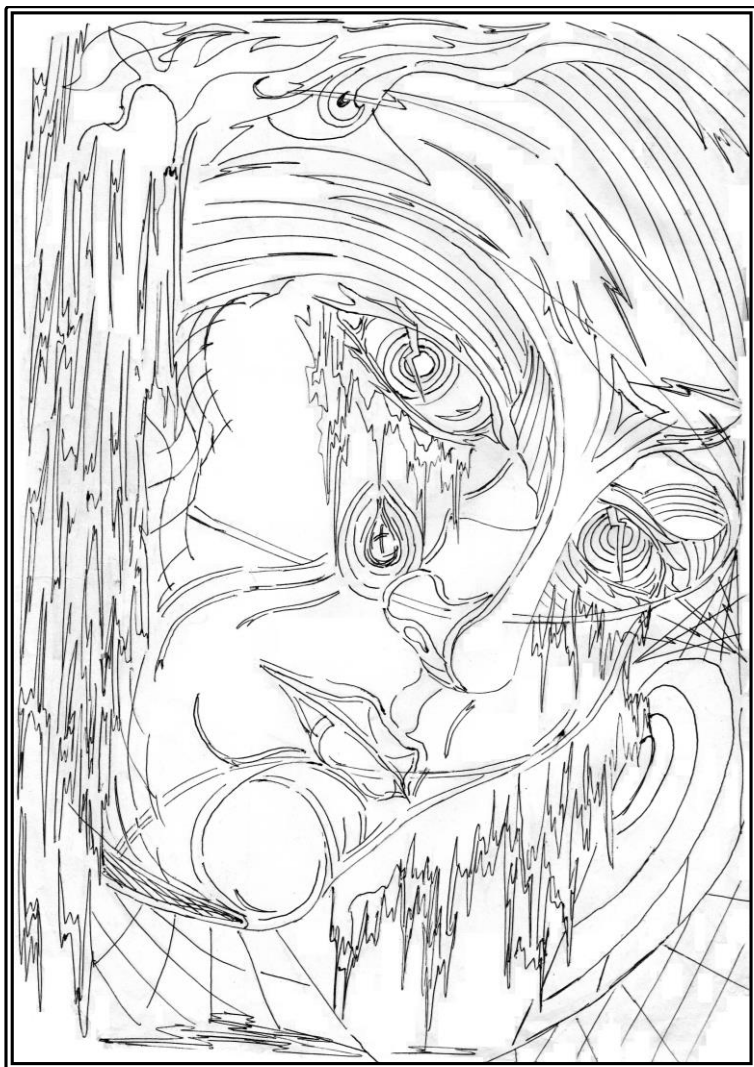
Этим холодом поздним дышала душа
Над прудом, полным черной влюбленной водой,
Чтоб потом — прорасти стебельком камыша
Над страданьем своим, над тоской, над бедой.

А большой небосвод — все молчит и молчит,
Словно сверженный царь, словно изгнанный раб,
Но заплачет кулик, и мой слух задрожит,
Словно по тишине вдруг расходится рябь...

И толкует о чем-то пугливый камыш,
И вздыхает, вздыхает над чем-то вода...
Из краев, где от века — безбрежная тишь,
Нет свободных путей никому, никуда...

...Этой ночью, быть может, себе на беду,
Я проснусь под сияньем мятежной звезды,
Я из дома пойду к вековому пруду,
Чтоб услышать дыхание черной воды.

■ плачущий демон

Как души, озираясь с непривычки,
Спускаются в Аид к родным теням,
Я ехал на холодной электричке
По темным подмосковным деревьям.

Летел состав от Курского вокзала,
Смурно смотрела рыхлая земля,
Сырая тьма безрадостно глотала
Смущенные цветением поля.

Созлектричники, ленивые, как стражи,
Зевали, глядя в темное окно:
Заборы, крыши, прочие пейзажи –
Привычное вагонное кино.

Кружилась голова, кружились лица –
Плыло вокруг пространство огнево...
Я, затаив дыхание, молился,
Открыв глаза, не видел ничего.

Московии надорванное сердце
Дышало в обескровленной ночи,
То набухало, то сжималось смертно,
Роптало, как забытый хлеб в печи.

Мне горло жгли прельстительные речи,
В крови текла крутая соль обид...
Но я любил и чаял третьей встречи,
Которую сам Бог благословит.

...Я повидал разбойную столицу –
Отравленного воздуха глотнуть,
Ей, окаянной, в землю поклониться,
И лоб разбить, и выстрадать свой путь.

И все до боли было мне знакомо –
Беспомощно чернел простор вдали,
И май горел, как рыжая солома,
И дым вставал во всех концов земли.

ТЕМНАЯ ВОДА

*Темна вода во облаках.
Псалтирь*

Еще сжимали руку руки,
Но в небе плакала звезда
И всхлипывала о разлуке
Ночная темная вода.

Мы расставались на неделю,
А оказалось — навсегда.
Легла меж нами без предела
Ночная темная вода.

Закрылась в будущее дверца.
Мы ждали встречи у пруда
И знать не знали, что под сердцем—
Ночная темная вода.

О том, что жгло, пытало даже,
И в сердце не найдешь следа.
Все знает, но вовек не скажет
Кровь, словно темная вода.

Дни мчатся призрачно и пошло,
Из ниоткуда в никуда...
В грядущем, в настоящем, в прошлом —
Ночная темная вода.

ПРОПОВЕДЬ ПТИЦАМ

Слушайте меня, птицы, сестрицы наши меньшие,
Кротчайшие твари Божии, лучшие среди нас.
Не больше, чем ваши невесомые трели, вешу я
В этот ослепительный, рассыпающийся звуками час.

Захлебываясь и падая в небо обетованное,
Расплескивая ведра щебета, воркований и волшебства,
Вы творите свое благовестие –
пространное, сонное, странное,
Выписывая небывалые, сияющие слова.

Простите нас, птицы, чистейшие твари Божии,
Сеятели звуков и красок, чистых пространств и свобод.
В майское небо прорываются взгляды неосторожные –
И внутри нас пробуждается закованный в нас полет.

Птица внутри меня грудь изнутри проклевывает.
В груди моей – птица, в ней – яйцо, а в яйце – игла...
Серую жизнь мою новыми красками разрисовывает
Странная, Богу угодная, но не знающая правил игра.

Как пророк, отвожу мной же предсказанные беды я,
Вижу прорастание неба в наивной клейкой листве,
Птичью невесомую правду камням и стеклу проповедую,
По бессловесному городу прохожу с птицей на голове.

Поймите нас, птицы, есть и у нас будни и праздники,
Есть время принимать муки и время поживать в раю...
Сейчас я молчу, не время нам петь и плакаться,
Но сроки настанут, и я еще запою.

Простите нас, примите нас, чистые птицы,
Возьмите меня в вашу стаю, пока певучесть во мне жива,
И я небо озвучу, на синей его странице
Выписывая небывалые, сияющие слова.

■ явление героя

БЕРЕСК ЦВЕТЕТ

ВЕРЕСК ЦВЕТЕТ

Стихи, навеянные сном

*Я не видела Вересковых полей –
Я на море не была –
Но знаю – как Вереск цветет –
Как волна прибоя бела.*

Эмили Дикинсон

Я увидел во сне поле в синих лучах,
Я увидел: во мне загорелась свеча,
Я увидел цветы, я увидел восход
Над простором, где вереск весною цветет!

Нет, не зря мы страдали, сгорали и жгли:
Наши зерна сквозь время в простор проросли.
Окупись, словно поле, в лиловый огонь
И на синее солнце взгляни сквозь ладонь.

Земляничкой покрыт край молочной реки,
И в цветах открываются чудо-зрачки:
Инфракрасные Божии смотрят глаза
Из цветов – сквозь меня – сквозь любовь – в небеса!

А давно ли вставал я, как дым, из земли
И во мне, словно пули, гудели шмели?
Но Господь, как ладонь, аромат мне простер
И цветами озвучил бессмертный простор.

Это вереск цветет, это вереск цветет,
Это хрупкий сквозь землю пророс небосвод,
Это нота, которую слышал Господь,
Обрела на мгновение душу и плоть.

Расцветай, отцветай, сад на небе моем,
Проплывай, аромат, в небесах кораблем,
Я с тобою, родная, и небо нас ждет,
Если вереск в словах и созвучьях цветет!

ВЕСЕЛЫЙ КАКТУС

растет-цветет веселый кактус
на подоконнике просторном
в лучах полуденного света
не слыша шума городского

глядит в окно веселый кактус
на шум и ярость людных улиц
глядит назад веселый кактус
в прозрачный полумрак квартиры
на стол тетради полки книги
глядит-глядит не наглядится

просторное большое лето
несется плача и сверкая
пылают реки горы страны
места меняют континенты
а кактус ждет а кактус ищет
свою родную кактусиху
свою затерянную нежность
колючее живое счастье

он для нее цветок нездешний
несет в колючих теплых лапах
он для нее откроет небо
в своем цветке неповторимом

просторное большое лето
несется плача и сверкая
пылают реки горы страны
мир никогда не станет прежним
и видя это безобразье
на подоконнике томится
на подоконнике скучает
колючее живое счастье
веселый кактус Афанасий

ЛЮБОВЬ С ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА

допустим ты сидишь себе упрямо
в кафе и ждешь горячий буйабес
но в этот раз идет другая драма
и в ней другой таится интерес

ты тянешь время все жаднее тянешь
через соломинку безвкусное питье
но за соседний столик мельком взглянешь
и обалдеешь увидав ее

ведь от одной ее шальной улыбки
от логики и скуки далеки
в твоем мозгу вовсю запели скрипки
задергались безумные смычки

и вот на эти звуки выбегает
в твоей башке из двери потайной
смеясь и истерически моргая
двухсложник кривоногий и хромой

над ним кудахчет в воздухе порхая
иллюзия свободного стиха
поэзия бессмысленно нагая
пленительная но не без греха

за ней трехногий прыгает анапест
хрипит клокочет хочет всех сожрать
и эту фреску роспись опись запись
заносишь ты в несчастную тетрадь

но вот ты перешел в недостоверность
в космический комический уют
кафе летит меж звезд в свою безмерность
и мухи по столешнице ползут

в жужжанье крыл стрекочет запах кофе
а ты строчишь пока не надоест
к своей неудержимой катастрофе
летит кофе меж равнодушных звезд

люби пиши и пей поэт и рыцарь
несчастный полубог и полубык
твоя богиня ангелица птица
не из таких к которым ты привык

прекрасное зачем-то так ужасно
что незачем смотреть ему в глаза
любовь как смерть несносна и заразна
но заболевших добивать нельзя

бела черна красна и некрасива
то влезет в сердце то звенит вдали
жизнь делая нескучною на диво
как будто Бог в святых мечтах земли.

СКЕЛЕТ В ШКАФУ

В моем шкафу уже десяток лет
(Хоть это в наше время непрактично)
Живет один веселенький скелет –
Изысканный и аристократичный.

Он иногда выходит поболтать,
Когда в квартире нет родни с друзьями,
Попить чайку, стишата почитать
И стариной тряхнуть – то бишь костями.

Мой друг скелет – известнейший поэт
Не золотого – каменного века,
И из его стихов за много лет
Сложилась целая библиотека.

Мы с ним беседуем о том, о сем,
Мы делимся увиденными снами
И иногда такую чушь несем,
Что весело богам следить за нами.

А боги смирно, словно паучки,
Сидят в его костях, не замечая,
Как прыгают на черепе очки,
Как пляшет в тонких пальцах чашка чая.

Как это важно, если ты поэт,
Не знающий в работе утомленья,
Чтоб хоть один веселенький скелет
Жил у тебя в шкафу – для вдохновенья.

СИБИРСКИЙ АЛЬБАТРОС

Мне часто задают дурацкие вопросы,
Охотников чесать мозги не перечесать.
– Бывают ли у вас, в Сибири, альбатросы?
– Пусть моря нет у нас, но альбатросы есть.

Он длинный, для него ты не отыщешь мерку,
Он самого себя недавно перерос:
Два метра в высоту, размах крыла пять метров...
Вот это он и есть, Сибирский Альбатрос.

Летать здесь незачем, а ходит он неважно –
Так заработаешь классический невроз...
При каждом взгляде в небеса тоскует страшно
Наш замечательный Сибирский Альбатрос.

Но всё же он живёт мечтой об океане,
Бредёт по улицам, согнувшись, как вопрос,
Засунув крылья в горб и пряча клюв в кармане,
Наш неприкаянный Сибирский Альбатрос.

Когда навстречу вам идёт в очках верзила,
Стихи про океан бубнит себе под нос
И хочет взмыть до неба, как бы жизнь ни била, –
Знакомьтесь, это я, Сибирский Альбатрос.

РЫБНЫЙ ДЕНЬ

я ничего не понимаю
когда летят по небу рыбы
над городами над домами
вокзалами и поездами
над крышами над головами
людей уткнувшихся в смартфоны
убитых чтением новостей

под ними распластались судьбы
аэродромы и причалы
планеты птицы люди мухи
в сетях всемирной паутины
пылают реки горы страны
места меняют континенты
а в равнодушном чистом небе
над нами пролетают рыбы
летучие такие рыбы
летят себе и что такого

летят наверное за чем-то
летят за рыбьим интересом
усами даже не поводят
глазами круглыми моргают
и ничего не понимают
когда глядят на нас надменно
с запретной рыбьей высоты

над нами проплывают рыбы
и думают про наше море
про волны нового потопа
которых мы еще не видим
а вот они
а вот еще

зачем летите вы над нами
чего пророчите родные
стоишь порой затылок чешешь
и думаешь красиво суки
красиво все-таки летят

а вообще что нам за дело
пускай летают если нужно
ведь нам до них как до Шанхая
есть в жизни вещи поважней

залетные живые рыбы
в самопровозглашенном небе
проносятся сквозь наши мысли
творят миры творят и рушат
земля оставлена и море
по сути тоже безнадежно
осталось лишь лететь
а небо –
оно у каждого свое

ОСОБЕННО ИЗЫСКАННЫЙ ЖИРАФ

Так требует сердце – печальные песни слагать.
Ты хочешь печали, тебя утомила жара...
Послушай: далеко-далеко в сибирских снегах
Сферический бродит жираф.

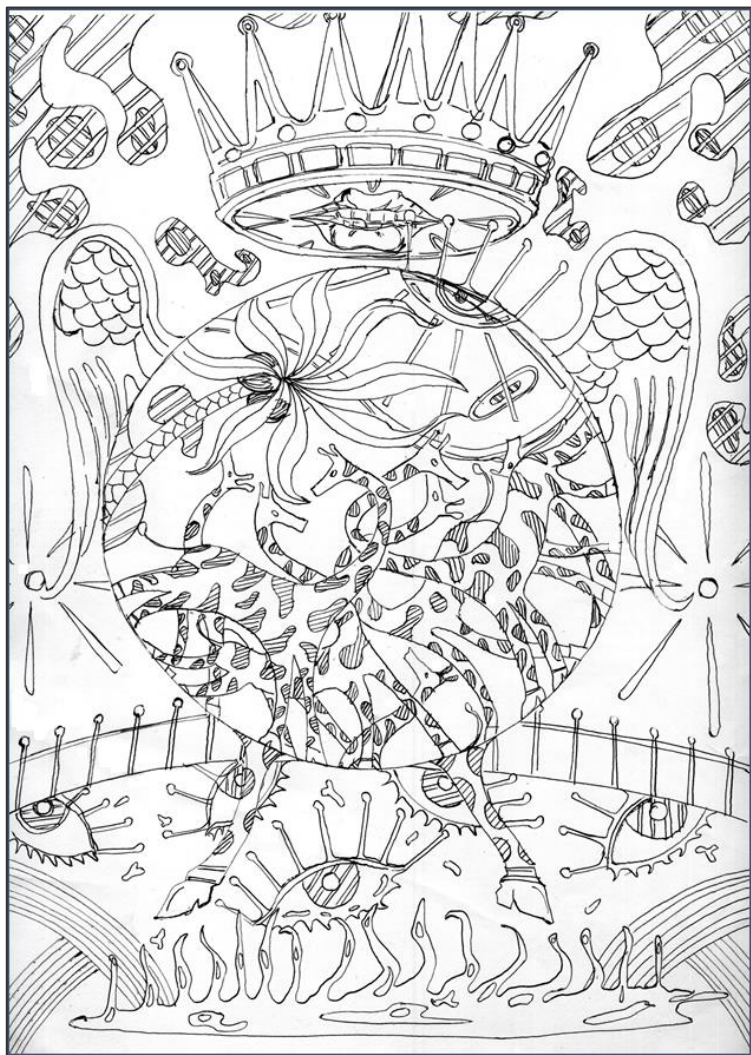
Изысканный, мудрый, бессильный сферический бог,
Дитя порожденных поэтами чудных планет,
Летит над тайгою на тонких соломинках ног
В кубическом небе, окрашенном в розовый цвет.

Он ходит по вымершим селам, сгоревшим лесам,
Он слушает звонны ушедших под воду церквей.
Он строит незримый подвижный бесформенный храм
Из звуков висящих на тучах бесплотных цепей.

Дитя воспаленного скукой хмельного ума,
Он слыхом не слыхивал в жизни о зле и добре.
Я знаю, что чувствует масляно-жирная тьма,
Когда на закате он прячется в черной дыре.

Блуждая в пустых коридорах зеркальных небес,
То делаясь запахом, то притворяясь грозой,
Он нам предвещает возможность жестоких чудес,
Молчанием нам говорит, что бывшее грядет.

Бывает так сладко печальные песни слагать,
Когда в тонких венах звенит золотая жара...
Послушай: далеко-далеко в загробных снегах
Сферический бродит жираф.

КУСТЫ В ОЛЬГИНО

Мне снилось это – мы лежим в траве,
Смешались звукосмислы в голове,
И все вокруг сияет и стрекочет.
Весь мир – сплошной одушевленный звук:
Сквозь ливень губ и половодье рук
Звучит мелодия и затихать не хочет.

То плача, то сияя, то звеня,
Во мне, и надо мной, и сквозь меня
Текут сигналы нагло и бесстыже.
Но разные приемники во мне
Сейчас звучат не на одной волне –
Приемник в голове, в груди и ниже...

И я не разбираю ни черта:
Тра та та та та трам пам пам та та...
Здесь невозможно расставлять акценты.
То скрежет, то гроза, то соловьи...
Ну что же вы, приемнички мои?
Давно пора настраивать антенну.

Она не ловит звуки, а поет!
Она поет всю вечность напролет,
В ее упрямстве есть своя наука.
Пытаюсь рифмовать – в конце строки
Мелькают звуки быстро, как жуки...
Загадочная насекомость звука!

Весь мир – сплошной неприрученный звук,
Он не дается, вырывается из рук,
Ему свободней в световом потоке.
Но будет он услышан, мой сигнал,
Сквозь звукоград, отвесный, как стена,
Сквозь звуколивни нового потопа.

ДУХ ЗЕМЛИ

Мой город, как волынка, раздувается и гудит –
Деревья, бульвары, скверы, площади и проспекты.
Воздух, свистя, вырывается из забетонированной груди,
Жалея о том, сколько песен еще не спето.

Опозоренные кронированные тополя умирают стоя,
Намекая прохожим на итоги их жизненного пути,
Тучки небесные маршируют выверенным строем,
И город, как автомобиль, таращится и пыхтит.

В оранжевой пробке под краснокожим закатом
Троллейбус извивается, как развдоющийся червяк.
Солнце между многоэтажками тоже в пробке зажато,
И так много в природе рифм, поэтического чутья!

Это Дух земли пробудился и колобродит,
Это зеленый шум, это летний древесный оргазм.
Дворцы из алюминия и жести воют гимн во славу природы
Тысячами регистров, как сумасшедший орган.

Я шагаю, гордо подняв ученую голову,
Выстроив по науке свой суточный рацион:
Как уверяют медики, кто спит, тот не голоден,
И лучший мой завтрак – сон, ужин – тоже диетический сон.

А на первом этаже пятиэтажной хрущобы
Усталый призрак пишет меланхолические стихи.
Ему холерическая весна не по нраву, еще бы,
За всю весну – ни одной веселой строки!

Ему этот пир духа видеть и слышать тошно,
Но он знает, что все непрочно, что рухнет все, только тронь,
И наш надоедливый мир, опостылевший, как картошка,
Преобразится в смиренный пепел и властный огонь.

МЕТАМОРФОЗЫ,

или Одна ночь Андрея Вячеславовича

Он отложил измученную кисть.
Прошелся по холсту тяжелым взглядом.
Мольберт едва стоял, как виноватый,
Скрывая дрожь. Дрожал в окне простор.
Дрожали на столе листки бумаги –
Стихи без слов, из знаков препинанья.
Кровать, не застеленная три дня,
Забросанная книгами и снами,
Потягивалась и ждала его.
В ушах шумела кровь. В глазах рябило.
От пят до лба пульсировало сердце,
Разросшееся, мощное. Бездушный
Свет в комнате был желт и ядовит.

На полках, на шкафах паслись картины –
Лазурь и охра, жёлчь и синева.
Бессмысленные вечные сюжеты.
Безнравственная праздная забава.
Пустое издевательство над мыслью.
Бездежка, чтобы оправдать наш мир.

Четвертый час. Вот-вот начнет светать.
Еще недолго. Снова, засыпая,
Он будет морщиться и видеть солнце.
Он будет морщиться, вставать, пить воду
В холодной кухне. Будет биться сердце,
И голову ломить, и будут сниться
Узоры из кармина, умбры, охры.
К чему, зачем все это, для кого?

Но до сих пор, пока все в мире тихо,
Так тихо, слишком тихо, страшно тихо,
Он может потянуться и размяться,

Он может отвести глаза от книг
И посмотреть в безвыходное лето
Сквозь тонкий лед оконного стекла.

А за окном пульсировала ночь.
Огромное, безвыходное лето.
Все мрачно, мирно, кругло, молчаливо.
Звенело время, и асфальт блестел
Под фонарем, и тополя дрожали,
И нервничали спутанные рельсы,
Кричали где-то пьяные гуляки,
И крупный мат, правдивый, как булыжник,
Влетал к нему в окно из грязной песни.
Пульсировала вкрадчивая тьма.
Шептались кроны. Лаяли собаки.

В окно врывался возбужденный ветер,
Взъерошенный, как воробей или ворон,
Кричал, носился от стены к стене,
Метался, каркал, оживлял пространство
И исчезал, как будто растворяясь,
Оставив тесной комнате и миру
Смертельный импульс настоящей жизни
И ненавязчивую благодарность
За то, что он здесь был, вошел и вышел,
На время сделав этот мир живым.

Он посмотрел в окно. Там, в темноте,
Шел грустный призрак с розой в петлице,
Его двойник, наивный и прозрачный,
И говорил с навязчивым дождем.
«Вот этот мир, где мы когда-то жили,
Вот за углом, — я и отсюда вижу, —
Ее жилье, бесчувственные стены,
Подъезд и металлическая дверь.
И можно позвонить, но не откроет.
Все было глупо, хорошо и страшно.
Но, Господи, зачем и для чего?»

А дождь был нервным, тонким и мятежным,
Он расщеплял себя, как паутину,
Ловил весь мир сплетеньем нервных нитей –
Дома, слова и спутанные сны.
Дождь рос и набухал, как будто клетка,
Делился под бесчувственным стеклом
Под наблюденьем мстительных ученых.
И вдруг – замолк, затихнул, задохнулся,
Исчез из мира вместе с этим миром,
И с ним пространство перестало быть.
Он снова сделал то, что мог по праву,
Ведь каждый дождь – немного привиденье,
А мертвым в жизни многое дано.

Дождь изошел, истаял, растворился,
Но грустный призрак вдруг остановился
Под кроною, беременной дождем.

Вот эта улица, вот этот дом,
Вот эта дверь, вот сумрачные окна.
И можно позвонить, но не откроет.
Все было глупо, хорошо и страшно.
Знакомый мир. Он есть – и нет его.
Чем больше есть, тем больше его нет.
И больше никогда его не будет.

Он встал спиной к стене. Спина горела
От холода стены и равнодушья,
Но он был рад живой, хорошей боли.
Он молча встал, уставившись во тьму,
И начал вызывать из тьмы виденья,
Спектакли, фейерверки, водопады,
Вселенные, написанные Богом
Когда-то в виде школьных сочинений,
Как упражнения пригостишки,
Бессмысленные, славные создания –
Наш космос, рай, чистилище и ад.

Он тек во тьме, он чудеса творил,
Жонглировал обманами и снами,
Обугленною ветошью, позором,
Пустым, реанимированным хламом.
Он торговал тем, что нельзя продать.
Он из Голгофы сделал представление.
Он превратил в спектакль любовь и смерть.
Он людям продавал обрывки жизни,
Фрагменты снов, цитаты из видений.
Один в двух лицах, Бог и самозванец,
Творец-кривляка, изгнанный из мира,
Поэт, художник, лицемер и рыцарь,
Пророк, фигляр, владыка всех миров,
Как он несчастен, как он мертв и вечен!

Он начал изучать обычный мир,
И для него все оказалось новым.
Он по слогам учил смысл расставанья.
Читал, пыхтел, водил по строчкам пальцем,
Припоминая, шевелил губами
И тут же забывал все то, что понял
И брался вновь разгадывать по буквам
Смысл расставанья, времени и смерти.

Он видел в небе воспаленный город,
Мосты, дожди, каналы и канавы,
Взлет всадника в нерукотворный дождь
С им насажденной рукотворной почвы,
Любовь и ложь, разрывы и распад,
Восторг и высь, бессмертье и бесчестье.
И смерть. И жизнь, и слезы, и любовь.
И ложь. И божество, и вдохновенье.
И Ту, одну-единственную в мире.
И свет, ведущий сквозь гранитность туч
В бессмертие сырой и серой ряби.
Нелепая история любви,
Которой мир когда-то удивится.
И сердце содрогнется – и заглохнет.
Рывок – и все.

Зачем, зачем, зачем?

Зеленый шум звучал в его висках.
Он возрастал, он мерно надвигался.
Он был похож на серый снегопад –
Такой же тихий, мудрый, монотонный,
Напоминая об иной зиме,
Обетованной сердцу, той, что *будет*.
Он был поклонником зимы и снега.
Он снег любил – как боль, как благодать.
Как ненавистно лето! Если только...
Но тише, сердце. Тише. Надо жить.

И все затихло, словно по приказу.
Грехи замолкли, словно петухи.
Трамвая ждали спутанные рельсы.
С проспекта доносился шорох шин.
На пятом этаже окно горело.
Художник из окна смотрел в простор.
Как небо велико – не расписать!
Как много есть бессмысленной работы!
Наш мир нелеп, но есть еще в нем место,
Есть для чего не спать ночами, бредить,
Бродить по свету, коченеть и петь.
Сверкала между рельсами трава.
Зеленый шум перетекал из крон
В не спавший мозг, и легкие, и сердце.
В огромном мире пахло свежей краской,
Разлукой, болью, новыми стихами.
Надеждой на бессмысленность. Любовью.
И переключкой пьяных сторожей.

Мир был огромен и не населен.
Давила плечи с непривычки шкура.
Во рту еще оскомина горела
От яблока. В лесах боялись звери.
Река текла о чем-то о своем.
Рай тосковал, что он отныне пуст.
Спектакль окончен. Счастья нет на свете.
А это значит – будет чем заняться.

Он вытер кисть, упрямо усмехнулся,
Взглянув, как глупо розовеет даль.
Наивная! Не бойся, я не хищник.
Я только тот, кто делает все вечным.
Я тот, кто есть. Один на целом свете.
Не верь в меня, не бойся, не проси.
Я все возьму, что нужно мне от мира,
А если нет чего, то я создам.
Зеленый шум плодился над землей,
В крови молчали старые грехи,
Чего-то ждали мертвые просторы,
И воздух цвел, и пахло новизной,
В огромном мире пахло свежей краской,
И поднималось скомканное утро.

ТИШИНА

Обычный прозаичный выходной
В классическом промышленном поселке.
Дворы пусты, туманен небосвод.
За три квартала, пьяный и смурной,
Как бомж, заросший ржавчиной по щеки,
Сопит во сне заброшенный завод.

Над сталинками пристально молчит
Химическое жилистое небо.
Трамвай скрежещет, призраков везя
Вдоль старых зданий в патине морщин
Туда, где эротично, тяжело, нервно
Шумит несуществующий вокзал.

Вдали дымится черная труба,
Под ней свинцовая скучает речка,
Проглоченной отравой горда.
И, этот вид стоически терпя,
Пускает ввысь колечко за колечком
Промышленная красная гора.

А город спит. Ни гром, ни плач, ни смех,
Ни смерть поэта, ни слеза ребенка
Не проникают в проржавевший мозг.
Здесь жители рождаются во сне,
Не просыпаясь, ходят на работу,
Не просыпаясь, едут в загс и в морг.

Лишь я, поэт-бухгалтер, книгоблюд,
Стихами собирающих налоги
Со всех сословий, наций и владык,
Могу заняться тем, что я люблю –
Высчитывать язвительные слоги
И свой лукавый заострять язык.

Да, мы, любимцы царственного Рима,
Земная шваль, бандиты и поэты,
Работники пера и топора,
Шагаем в строчку, умираем в рифму,
Себя венчаем лаврами за это.
Какая все же чудная игра!

На лавочке у запертых дверей
Спит Вечный Бомж, на прочих непохожий,
Поэт в поэтах, рыцарь, бог на час.
Среди людей он – как среди зверей,
Неведомой породы иглокожей.
Мы дальше от него, чем он от нас.

Над ним лепечет глупые стихи
Ободранная нервная береза,
Дрожит, щебечет, хочет улететь.
Как гусь, он вышел из воды сухим,
Но он устал браниться и бороться,
Бродить по свету, коченеть и петь.

Возлюбленная злая Тишина
Растет, шипит, расходится кругами,
Как вечный обескровленный покой.
Все знающая, лживая, она
Заменит жизнь несбывшимися снами,
Обхватит землю мертвою рукой.

Ни церкви, ни икон, ни воспылания,
Ни терпкого, горчащего терпенья,
Ни сокрушения, ни слез из глаз.
Щебечут тополя, лепечут зданья,
Но Бог молчит – ни голоса, ни пенья.
Мы дальше от Него, чем Он от нас.

Взыскательна навязчивая тьма.
Мой вдумчивый покой учтив и тонок.
Измученный покоем, я готов
Взглянуть на небо и сойти с ума.
В тиши я слышу шорох шестеренок
И приближение новых ледников.

Химическое жилистое небо,
Зеленые растительные нервы,
Покой, перед которым все равны...
В нем тени, что когда-то были нами,
Становятся на площадях полками
Под знамя самовластной Тишины.

Как хорошо, что ты ни с кем ни связан!
Как сладко умирать в начале мая,
Свой строгий ад скрывая и терпя!
Спит Вечный Бомж, он ждет всего и сразу,
Спит, словно Будда, трезво понимая
Бессмысленность прогресса и труда.

Как безотраднa тайная свобода!
Течет холодный ток под белой кожей,
Но нет желанья к перемене мест.
Я тоже всеми был, но не собою,
Я тоже многое видал, я тоже
Все понял и на всем поставил крест.

Как это славнo, весело и мило –
Тонуть в зеленом лиственном потоке
Во имя чести, долга и труда.
Стоит сто лет над городом и миром
Простой, как простыня, просторный полдень,
А вечер не наступит

ни
ког
да.

Ты спишь, запрокинув лицо к небосводу,
Неважно, в постели, в пустыне, в лесу,
Во сне изучая покой и свободу,
Не слыша, как муха ползет по лицу.

Ты спишь, как пророк, вдохновенно, на славу,
Улыбка твоя так маняще грустна,
Как будто пришелся тебе не по нраву
Твой личный ручной Апокалипсис сна.

Ты спишь, не вздыхая, не дергаясь даже,
Вкусив бесконечности и присмирив,
А муха, как муза, дивится пейзажу,
Ощупывая непослушный рельеф:

Провалы глазниц, возвышение носа,
Изгибы ушей или впадину рта...
Как вкрадчива эта подробная проза,
Насколько упряма ее красота!

Мистическая Абсолютная Муха
Фасеточным зрением видит твой сон.
Святой бездуховностью чистого духа
Ты в строгий, безвыходный рай вознесен.

Но ты существуешь, белковое тело,
Пустое, как дистиллированный дух,
Нарушив свои и чужие пределы,
Став концептуальной загадкой для мух.

Ты медленно спишь, на себя непохожий,
Ты спишь и не знаешь, что спишь ты в раю,
Где муха фасеточным зрением Божиим
Вбирает тебя в бесконечность свою.

ЛЕТО В ГОРОДЕ

Словно тесто с половника,
Льется жаркое лето.
Ясность пульса поломана
В пекле солнечной лени.

Воздух, солнцем ошпаренный,
Весь дрожит, как в падучей,
Золотыми кошмарами
Безнаказанно мучим.

Воздух бьется и мечется,
Бредит, пляшет и плачет.
Эти боли – не лечатся,
Эти слезы – не прячут.

Только почва курлычется
И от птиц воробьится,
И шкварчит, как яичница,
И ворчит, и дымится.

Бредят жаркие улицы,
Спят, покоя не зная.
Окна в зданьях то жмурятся,
То протяжно зевают.

А по скверикам тропами,
Как сомнамбулы, сонно
Бродят души бесплотные,
Утомленные солнцем.

Солнце пляшет и пыжится,
Только сердце ослепло,
Лишь попав в это пышное,
Неподвижное пекло.

Но классической повести
Повседневного ада
Сердце втайне от совести,
Как отмищению, радо.

Нынче солнце безжалостно
И земля молчалива –
Так печально и сладостно,
Так мертво и красиво,

Так бездушно и замкнуто,
Так безвыходно лето.
Только небо распахнуто –
Без конца, без ответа.

Золотое, безмерное,
Растворенное настезь –
По-над смутой и скверною,
Над нелепицей нашей.

Над землею тревожною
Воссияло, воссело
И цветет, безнадежное,
Синим, алым и белым.

СИБИРСКИЙ ЧАСОСЛОВ

Кладбищенские комары пьяны
От нашей крови, от хмельного лета.
Кровь с кисловатым привкусом вины —
Наследный признак тощего поэта,
Стоящего в кругу семи ветров
На кладбище, в бессильной, нищей грусти...
Здесь, позабыв забвенье, наизусть я
Листаю свой сибирский часослов.

Трещит кузнечик в голубой траве.
Так вот она, мелодия бессмертья!
Тончайший контур тучки в синеве,
Тончайший запах резеды на свете,
Лопух, растущий из родных могил,
Растоптанных, ободранных и милых...
А я... Что я?... Я все, что мог, забыл,
Но этого, увы, забыть не в силах.

Пахотин... Рыбин... Федоров... Родня
Ушла за грань, где звон столетий робок.
Здесь смерть чужая пробует меня
И пальцами берет за подбородок.
Здесь литерами новых языков
Стоят кресты, надгробья, монументы,
Пришедшая родня, звон комаров,
Венки, цветы и траурные ленты.

Я изучаю стертый алфавит,
Перебираю в памяти надгробья...
Устав от всех проглоченных обид,
Земля на небо смотрит исподлюбья.
Простых надгробий каменный петит
Молчит, не утрудив наш ум нагрузкой,
И каменный непрочный манускрипт
Ждет, кто его переведет на русский.

Святая стертость побледневших лиц,
Смиренье глаз и букв, ушедших в камень,
Велит душе пред ней склониться ниц,
Признать урок, преподанный веками.
Так! следовало жить, любить, страдать,
Слагать стихи осмысленно и четко,
Чтоб за пределом мира услышать
Не то, что ты записывал в тетрадь, —
Не блажь стихов, — немую благодать,
Звон комара,
кузнечика трещотку.

ВЕЧЕРНИЙ КОСМОС

Антиутопия

Погасли краски в оке Божьем,
Погас закат над Иртышом,
И ветры веют новой ложью
Над старой русскою душой.

И над душой, и над стихией
Себя в безмерности простер
Текущий черновик России –
Неясный облачный узор.

Сквозь тучи звездными огнями
Сияет вознесенный ад,
И расширяется над нами
Крест четырех координат...

НАИВНЫЙ КОСМИЗМ

Смотри на арлекинов, падающих с лимонного неба, –
Извиваясь и выкручиваясь, делая себя не собой,
Они обжигают свои колючие, как проволока, нервы,
Чтобы вечно длился над нами небесный безбожный бой.

Вечный небесный бой! Покой нам и сниться не может...
Русская душа в русском космосе, беззащитная и нагая,
Неуют надземный чувствует обожженной кожей,
Свою сокровенную правду оберегая.

Стерильный ад невесомости, хаос с невидимым стержнем,
Звезды, розы, квадраты, вертящиеся палочки смуты...
Что в родном аду, что в космосе муки у нас все те же,
И нет в этом мире правды, нет покоя ни на минуту.

Триумф точного расчета! Открытия совершаются заново,
Духи гравитации обещают мягкую посадку и защиту,
Железная звезда, падая, разбивает железный занавес,
И яблони зацветают на берегах космического Коцита.

Сонный скелет космического корабля проплывает мимо,
Колючая проволока протянута от края до края небес...
Мы видим обратную перемотку фильма о сотворении мира
На экране искусственного неба, растянутого, как навес.

Смотри, как арлекины падают с фальшивого неба,
Как космические корабли бороздят беззащитный Большой театр,
С какой легкостью рвет колючие человеческие нервы
Небесный Отец космонавтов – влюбленный в пространство тиран.

А над космическим портом скитаются летающие острова,
Корабли у небесного берега ищут новых путей и стран,
И толпа у звездной гавани любит, от восторга еле жива,
На сиреневые души космонавтов, падающие в океан.

МОРЕ

Где-то далеко-далеко,
За зелеными лесами,
За высокими горами,
Выше радости и горя,
Выше неба, выше смерти
Простирается широко,
Ходит волнами слепыми
Наша гибель и спасенье –
Море штиля, море шквала,
Море мрака и молитвы,
Море снов и пробуждений,
Злое, мстительное море.

В мутном мороке предчувствий,
В первозданном океане
Спят не спасшиеся души,
Бродят темным виноградом,
Суть меняют и обличья.
Сотни лиц, личин и ликов,
Тысячи перерождений,
Мириады одиночеств,
Не открывшихся открытий,
Не случившихся событий –
Все хранит в себе от века
Злое, мстительное море.

Злое, мстительное море
Бредит и не знает меры,
Пляшут облака и звезды
На волнах неукротимых.
Горько слушать, страшно слышать
Вздохи моря-океана
У себя в коварном сердце,
В клетке ребер, за грудиной,

Спит во всем первостихия,
В каждой жизни, в каждой вещи,
Лишь коснись неосторожно –
Ринется из каждой бреши
Злое, мстительное море.
Ринется, затопит землю,
Синим пламенем восстанет,
Зашумит неукротимо
Выше радости и горя,
Над словами и делами,
Над объятьями и снами,
Над бессмертьем и бесславьем –
Злое, мстительное море.

Чувствуешь, как волны плещут
В клетке ребер, за грудиной,
В каждом сердце, в каждой плоти –
Вздохи моря-океана.
В темной чаше пред глазами
Ходят сумрачные волны.
В этом мире, словно в море,
Синь морская обжигает
Взгляд, пропитанный слезами,
Горького пространства полный.

Не прося и не надеясь,
На пловцов и мореходов
Сквозь волну взирают лица.

Было горе, будет горе.
Слово в музыку вернется,
Что предписано – свершится.

БЕС СОДЕРЖАНЬЯ, БЕС СОМНЕНЬЯ

(Перевод из Дмитрия Мельникова)

Пока в раю идут дожди,
Дожди, холодные, как море,
Пока владыки и вожди
Друг другу предвещают горе,
Покуда колесо времен
Летит безумной каруселью,
Я шел к тебе – сквозь смерть и сон,
Нес свет и тайное веселье.
Да, я далек, но не исчез,
Я – свет, но оперенный тенью,
В меня вселился славный бес,
Бес содержания, бес сомненья.
Во мне блуждая, как в тумане,
Он входит в каждую строку,
Змеится, шепчет заклинанья
О деве в огненном кругу,
О вороне, мече и ране,
О сердце, брошенном врагу,
О тишине на берегу
И безразличном океане.
Мне надо было умереть,
Чтоб перестать бояться смерти,
Чтоб не встречать преград на свете,
Чтоб в голосе запела медь.
Я в мире видел все насквозь,
Глядел, не в силах наглядеться,
Как вертится земная ось,
Как бьется неживое сердце,
Как, мной придуманная, ты
Меня придумываешь вечно –
И праздновал средь пустоты
Случайность самой главной встречи.

Я праздновал тебя, мой свет,
Я рад, что смог в хмельную стужу
Своей бесплотностью согреть
Одну твою бродяжью душу.
Задай мне главный свой вопрос,
Взгляни в глаза, не жди ответа.
Я в эту речь, как в землю, врос,
Я – прах, я – почва, я – планета,
Я землю русскую собрал
Своими мощными корнями,
До атома строками сжал
И распылил цветными снами.
Когда я веки подымал,
Как властно в голосе и взгляде
Сквозь мрака спутанные пряди
Сиял мучительный металл!
Ты знаешь, лжи я не приемлю,
Но и тебе солгать нельзя,
Когда глядят в тебя сквозь землю
Мои бессмертные глаза.

Пусть это лето несерьезно,
Прозрачно, словно акварель, –
Его переозвучил грозно
Жужжащий в парке пышный шмель.
Отягощенный грузом ценным,
Он выползает из цветка,
Он часто мчится мимо цели,
Жужжит и сердится слегка.

Вот-вот хозяйственная осень
Остатки лета спрячет в ларь
И листья под ноги нам сбросит
Усталый желтый календарь,
И пышного шмеля-поэта,
Еще хмельного от забот,
Как маленький осколок лета,
В бурьян некошенный сметёт.

Но в высшем абсолютном мире
Есть некий абсолютный шмель,
Уж он-то не промчится мимо,
Он видит путь, он знает цель,
В небесной розовой аллее
Цветам стихи свои жужжа,
Он всех милее и шмелее,
И чувствует твоя душа
В своем уютном небосклоне
Цветы, колосья и поля,
И в вечном розовом бутоне
Жужжанье вечного шмеля.

ПРОВОДЫ ЛЕТА

Круглое, пестрое, зыбкое лето
Рябью мелькает в глазах.
Трудно в гостях, но и дома не легче:
В каждой квартире – гроза.

Что ж, собирайся, пошли на прогулку
В мир, что знаком наизусть.
Воздухом свежим порадуй простуду,
Выгуляй старую грусть.

Лучших деньков не теряя напрасно,
Просто попробуй на вкус
Август, хрустящий, зеленый и красный,
Сахарный, словно арбуз.

Быстро меняются яркие кадры:
Нервная пляска светил,
Зелень и золото, охра и кадмий,
Взрывчатый, словно тротил.

Всхрапывая неуживчиво-нервно,
Горько-солена, грозна,
Дремлет в еще опечатанном небе
Мстительная глубина.

Медленной черной водой набухая,
В небе скользят облака.
Шепчешь двестишья, блокнот доставая,
Тянется к ручке рука.

Как говорили когда-то светила,
Славный нам выдастся год:
Что-то готовится, что-то свершится,
Что-то большое грядет.

Но не ищи ни наград, ни героизма,
Зря фейерверков не жги
И не надейся, не жди и не бойся,
Главное – просто не жди.

* * *

Тишина в природе,
В городе и доме –
Лето на исходе,
Жизнь на переломе.

Все, чего мы ждали,
Все, чего хотели,
Скрылось в синей дали,
В лиственной метели.

Все, что было нами,
Мечется в смятенье –
Желтых листьев пламя,
Холод синей тени.

В небе птичьи стаи
Мечутся и тают.
Реки высыхают,
Листья опадают.

В кронах желтой рощи
Пляшут листьев тыщи –
Все нежнее и тоньше,
Все светлей и чище.

Холода все ближе,
А сейчас как будто –
Краткое затишье
Перед новой бурей.

Выдержу? Смогу ли?
Тишина в природе.
Ангелы уснули.
Лето на исходе.

Ум – в пустой работе,
Сердце – в смутной дреме...
Лето на исходе,
Жизнь на переломе.

КУБИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

1

Конец света

Раскроем конверты наших тел. Небо стекает
по стенам зданий. Мотыльки Апокалипсиса
покрывают нам лица сплошными слоями.
Их крылья четвероугольны.

Сквозь стены домов просвечивают ребра. Мироздание
переворачивается с бока на бок. Сферические жирафы
кочуют из сновидения в сновидение.
Ангелы гонятся друг за другом на ходулях.

Великаны, составленные из зверей, перебрасываются
Головами. Небо стекает
По горизонтальным поверхностям. Степные арлекины
Пляшут на могильных холмах. Витязи спят.

Большие города сворачиваются в трубочки.
Конверты человеческих жизней раскрыты. Озера
Встают отвесно над плоскостью времени.
Скалы распускают крылья и взлетают в небеса.

2

Комедия дель Арте

Пьеро некстати улыбается, и сцена
начинает движение в небо. Зал сворачивается
в свиток, испещренный глазами и лицами.
Арлекин жонглирует масками богов.

Кулисы падают на актеров, в движении
дематериализуясь. Панталоне берет книгу,
но она вылетает из его рук, как бабочка,
светясь окрылившимися страницами.

Коломбина аплодирует закату солнца. Закат
реинкарнируется в рассвет. Пьеро улыбается
улыбкой Будды. Единственный Зритель,
состоящий из одного глаза, доволен.

Солнце становится, как власяница, и луна делается,
как кровь. Женщины
возвращаются в ребра мужчин. Слышно: «да будет свет!»,
и комедия начинается сначала.

3

Танец Давида

Давид пляшет перед ковчегом Завета. Сатурн
пожирает своего первого ребенка.
Гильгамеш спускается с корабля. Земля дымится,
как хлеб, вынутый из печи.

Песня льется из жизни в жизнь. Танец Давида
рифмуется с почерком Петрарки. Лаура и Беатриче
спят в эмпиреях. Небо облачается
в благородный красный цвет.

Новая жизнь прорастает сквозь асфальт. Дождь пробивается
сквозь заасфальтированное небо. Купола храмов
распускаются, как бутоны. Солнце пульсирует
в каждом атоме плоти.

Населяющие мою плоть вселенные
голосуют на выборах бога. Давид пляшет
перед ковчегом Завета. Я прячу лицо в ладонях,
и сквозь ладони начинают слабо просвечивать глаза.

■ посторонний

САД КАМНЕЙ

ПРОПИСЬ В КЛЕТОЧКУ

Пропись в клеточку. Ручки. Пеналы. Учебники. Книжки.
В клетку – фартук девчонки, потрепанный свитер мальчишки.
В школе мы то дрались, то мечтали быть вместе годами...
Мы за клетками парт в клетках классов сидели рядами.

Нас свобода звала, словно небо – проверенных асов,
Мы сбегали из клеток домов, и занятий, и классов,
И бродили всю ночь, и мечты, словно вина, бродили...
Мы по шахматным клеткам судьбы, как фигуры, ходили.

А потом, не боясь, что понизит судьба нам отметку,
Словно в классы, играли и прыгали с клетки на клетку:
Из мальчишества – в зрелость, от счастья – к прозрению и плачу,
От него – кто в запой, кто-то – в бизнес, кто – в храм, кто – на дачу...

А страна – посмотри с небосвода – вся в клетках огромных,
Словно дни нашей каверзной жизни, то светлых, то темных.
Создавали решетку следы от плетей и ударов:
Белый след – от сведенья лесов, черный след – от пожаров.

Где теперь те девчонки, что в клетчатых платьях ходили?
Где мальчишки, что, с ними враждуя, их горько любили?
Словно клетчатый лист из тетради, памяти их судьбы:
Кто-то жив и здоров, а кого-то – успеть помянуть бы...

Каждый в клетке сидеть обречен до скончания века:
Кто-то в офисе, кто-то – в тюрьме, кто-то – в библиотеке...
...А кому-то, наверно, родные леса и сады
Прямо в клетчатый фартук земные роняют плоды.

ПОРТ-АРТУР

С самим собой в себя сыграв вничью,
У детской памяти на самом на краю,
В местах, где память переходит в небо,
Я обнаружу родину свою.

Там ветер сеном и зарей пропах,
Околица плывет в сухих плевках,
Но весело, и сладко, и щекотно
Сухая пыль дробится на губах.

В душе найдется сто клавиатур
Для творческих взыскательных натур
В том золотом и диком захолустье,
Что попросту зовется Порт-Артур:

Шоссе, автобус дачный, солнцепек,
Приземистых маршруток цок-цок-цок,
И спазм от жажды в пересохшем горле,
И газировки сладостный глоток,

Рыбачий сон на озере большом
На берегу, поросшем камышом,
Рывок, и плеск, и блеск взлетевшей лески,
И бодрый мат над сонным Иртышом.

Взлетай, душа, но приземляйся здесь,
Где создается грешной жизни взвесь —
Свободы, нищеты и вдохновенья
Гремучая, блистательная смесь,

Где ветер сеном и зарей пропах,
Стихи вовсю храпят в черновиках,
Но весело, и сладко, и щекотно
Сухая пыль дробится на губах.

ПРИЗАВОДСКОЕ

Моему отцу

У нас семь пятниц на неделе.
Трудам и музам – свой черед...
Летает человек с портфелем
Над трубами ПО «Полет».

Он крепко спит. Во сне – летает.
А значит – все еще растет!
Как крепко он портфель сжимает!
Как ветер в волосах поет!

Он делал спутники, старался.
Он ползал по цехам в пыли.
Уснул – в кресле оторвался
От грешной матушки-Земли.

В нем что-то детское воскресло,
Назло годам, на радость нам.
Его летающее кресло
Несет его к иным мирам.

Ему сейчас, наверно, снится
Его космический прибор,
Летающий, клича, словно птица,
В неимовернейший простор...

Цветет сирень, сияют дали,
И шум и гам со всех сторон,
И пляшет в майском карнавале
Призаводской микрорайон.

А инженер во сне невинном
Летит, к открытиям влеком,
И книжки с чертежами клином
Летят за ним – за вожаком!

ОМСКОЕ МЕТРО

Мне кажется, что в Омске есть метро.
Нам не дано войти в него до срока.
Внизу, в подполье мира – не мертво,
Не пусто, не темно, не одиноко.

Подземный город, скрытый от живых,
Изрезанный дорогами большими, –
Вот настоящий Омск, сокрывший лик.
Нам от него осталось только имя...

В нем живы наши деды и отцы,
Не оклеветаны, не виноваты, –
Застреленные мафией дельцы,
Священники, убитые в тридцатых.

В нем сведены до мимолетных снов
Победы наши, беды и обиды,
В нем поезд улетает в даль веков,
Чтоб привезти письмо из Атлантиды.

И я когда-нибудь туда уйду –
В метро, в метро, которого и нету,
В ту безымянность, святость, темноту,
С которой, может быть, не надо света.

Там отдохну я от земных забот,
Сев на скамью, сгоревшую когда-то,
И руки мне оближет рыжий кот,
Который умер в девяносто пятом.

ДЕВЯНОСТЫЕ

Девяностые, девяностые —
Дни кровавые, ночи звездные...
Грусть отцовская, боль привычная...
Это детство мое горемычное.

Трудно тянутся годы длинные,
И разбойные, и соловьиные...
В подворотнях — пули да выстрелы,
А над грязью всей — небо чистое.

Вот и я, мальчишка отчаянный,
Непричесанный, неприкаянный.
Драки детские, слезы взрослые...
Девяностые, девяностые.

Дома маются, пьют да каются —
Водка горькая, желчь безлунная...
И во мне с тех пор кровью маются
Детство старое, старость юная...

Искупают с лихвой опричники
Смертью горькою жизни подлые...
И так тесно, так непривычно мне,
И так жарко и пусто под небом.

Жить без возраста, жить без времени —
Вот судьбина какая вздорная!
Выбрал Бог да родному племени —
Душу светлую, долю черную.

И не взрослые, и не дети мы —
Разве мало изведаль скитаний я?
И столетьями, и столетьями —
Испытания, испытания...

Девяностые, девяностые —
Дни кровавые, ночи звездные...
Кражи, драки — под солнцем яростным...
Это детство мое — старше старости.

БЕТОННАЯ РОЗА

Пространство раскрывается цветком,
И город мой цветет бетонной розой —
Огромной, круглой, твердой и тяжелой,
Во сне прикрывшей сотни серых век.

По царственным бетонным лепесткам
Всползают металлические черви
И прогрызают время и пространство,
Даря вселенной сотни черных дыр.

Над цветником клубятся небеса,
Как черное неистовое пламя,
И над листками из стекла и стали
Бескрылые летают мотыльки.

Кто тот Садовник, что тебя растил,
Хранил бутон от стужи и от зноя?
В бетонной вечности укоренился
Твой эластичный серый аромат.

Нас всех рассудит звездное Ничто,
Вписав в цифирь дома, стихи и судьбы, —
И над расчерченной на клеточки планетой
Поднимется чудовищный цветок.

СОЦРЕАЛИЗМ

Вечер, сумрак, хлопья серой пыли.
Грязный снег едва мерцает, тая.
Вдаль летят мечты автомобилей
О техническом железном рае.

Выплывает косоглазый месяц,
И звучит, как в неумелом клипе,
Музыка январского предместья:
Скрежет, грохот, воркотня и всхлипы.

В небе загораются софиты,
И выходят мерно на подмостки
Гамлеты, поэты и бандиты,
Идиоты, бесы и подростки.

Музычку врубают в сквере дети,
Слепленные из сырого теста,
И гремит мелодия столетья:
Тыц-дыц-дыц — и далее по тексту.

И пускай под вечер, очень скоро,
В этот дымный и лохматый воздух
Выплюнет меня угрюмый город,
Снова втянет в двери, словно в ноздри,

Оглушит и высмеет, задира,
Продиктует пару строк не к месту,
И — пошли опять валять Шекспира,
Тыц-дыц-дыц — и далее по тексту.

И пускай горят в ночи софиты
И шагами меряют подмостки
Гамлеты, поэты и бандиты,
Идиоты, бесы и подростки...

ГАРАЖИ

В бетонном городе, — смотри, о муза, зорче, —
За спинами домов в пятнадцать этажей
Непринужденно сотворил Великий Зодчий
Ряды железных гаражей.

В невыносимой красоте и бравой силе,
Твердя под нос один бензиновый мотив,
Они всю землю до конца заплонили,
Кусочек неба прихватив.

Какой Эдемский сад, паломникам на диво,
Здесь вырастил себя забывший бог —
Бурьян, да лопухи, да острая крапива,
Да одуванчиковый смог.

Окурки и картон, газеты и пакеты,
А вот стоят в грязи бутылка и стакан,
Как символы начал вселенского сюжета,
Как наши Инь и Ян.

...Велению Божию, о муза, будь послушна,
Приблудное хамло от врат гоняй взашей,
Но с тучки созерцать привыкни равнодушно
Ряды железных гаражей.

Край грязных гаражей в моей заветной лире
Все так же будет жить, прельстителен на вид,
Доколь в подсолнечном-подлунном нашем мире
Жив будет хоть один пиит.

ПУСТЫРИ

1

Я уже давно живу по средствам,
Словно в пьесе, без мечты, на дне.
Но одно воспоминанье детства
Тлеет, обжигая память, мне:

Серый, весь заросший сорняками,
Мертвенный окраинный пустырь —
Он от спячки, длившейся веками,
Пробуждает, словно нашатырь.

...Воздух весь покрыт гусиной кожей.
Грязный дождик шепчется с травой.
Деревянный дом с разбитой рожей
Кашляет вдали, едва живой.

Вечереет, и ползут туманы.
С высоты стекает синий мрак.
Ночь таит заштопанные раны.
Тишина шершава, как наждак.

Вечность грязи, нищеты и пьянства...
Дзинь-бутылок острые куски...
По слепому серому пространству
Тусклые блуждают огоньки...

Я живу, расту, ползу все выше,
Но пустырь во мне скрипит: «Все ложь.
Помни, помни, из чего ты вышел.
Помни, кто ты и куда придешь».

И как только, злой, упрямый, стойкий,
Вытерпев и смех, и тумачи,
Я приду домой, нырну на койку
И сожму ладонями виски, —

Снова между мной и небесами
Розовый туман стеной встает,
В нем пустырь всплывает пред глазами
И отраду тайную дает.

2

В вечерующем сумраке строгом
Начинают чадить фонари.
Пролегли между нами и Богом
Пустыри, пустыри, пустыри.

Как пустые глаза невидимки,
То близки, то опять далеки,
Пролетают в кружащейся дымке
Огоньки, огоньки, огоньки.

Безнадёжно, туманно и сладко
В эту серую дымку смотреть,
И вдыхать синий запах упадка,
И скучать, и незримо стареть.

...Это наших скорбей быстротечность,
Это мудрость библейских пустынь,
Это пепельно-пыльная вечность,
Лопухи, лебеда и полынь;

Это траурно-желтое с серым,
Словно горький подавленный крик,
Эта боль, без причины, без меры, —
Это может понять лишь старик.

Только шум городской замирает,
Только серенький дождь моросит,
Смутный рокот к ушам подступает,
Пробуждает, зовет и грозит.

И сквозь сумерки — к сердцу все ближе—
Шепчет совести строгая жизнь:
Не уйди, не забудь, не прости же,
Стой, смотри, не страшись, но молись.

НОЧЬ В СКВЕРЕ

Закончились славно сегодня дневные дороги.
Последний трамвай уезжает, а я снова дома.
Присяду на миг на скамейку в запущенном сквере,
Послушаю ветер, вдохну в себя звездное небо.
...Кончается вечер, и небо смиренно темнеет.
Под пасмурным небом средь парка становится страшно.
Предметы снимают свои имена и названия,
И их очертанья от них обретают свободу.
Две черные птицы сплетают железные клювы,
Над ними клубится огромное черное небо.
Стоит среди сквера семейство фигур деревянных —
Славянская нечисть, смешной бестиарий Орфея.
Безноса баба-яга, богатырь или леший —
Становятся в сумраке злее, мертвее, живее.
Они в темноте скалят мне деревянные зубы,
Сжимают на горле времен деревянные руки.
Зрачки все чернее, все злее недвижные лица.
Они наше детство хранят, деревянные боги,
От нас же, от спешки, погонь, суеты бездуховной.
Над пропастью мира восходят отвесные мысли:
В раю дождь идет снизу вверх, из печальной юдоли.
Там боги играют, то в смерть нисходя, то в бессмертье.
А мы выпадаем из туч нашей боли, и смертью
Зовем этот дождь, орошающий райские нивы.
Мы знаем, что есть в небесах воскресение мертвых,
Но нам воскресенье живых в этом веке нужнее.
Оно внутри нас, ежечасно и ежемгновенно,
Но только прорваться к нему нам немислимо трудно.
Я трижды воскрес, но ни разу не умер, как надо,
Поэтому смотрят так зло деревянные боги
И черное пламя небес так злое к клубится
Над жесткой скамейкой в запущенном маленьком сквере.

...POST SKRIPTUM

Пролетят лучистой пылью миги,
Все труды и дни житья-бытья.
Записью в конторской пыльной книге
Станет жизнь нелепая моя.

А коль спросят: как ты жил? — поэта?
Жил, дурил, влюблялся... ну, как все.
Время металлического цвета
Пролетало мимо по шоссе.

Строил планы. Измерял маршруты.
Был порой от злобы — сам не свой.
Верил. Гулливерил. Лилипутил.
Но в конце — остался сам собой.

В небе был всесильным, как молитва.
На земле — бессильным, словно бог.
Строчкой, безопасной, словно бритва,
Ни поранить, ни спасти не мог.

От цветов всего земного спектра
Не осталось в жизни ни черта...
...Только дождь на Любинском проспекте,
Только синева и пустота.

Только ложь и невозможность встречи,
Только темный, мокрый город мой,
Только дождь, унылый, древний, вечный,
Под которым я бреду домой —

И во тьме навзрыд срываю нервы,
Полный слез, как влаги — решето,
Детскими глазами глядя в небо
И шепча: за что?
За что?
За что?

БЕДНЫЕ ЛЮДИ

Высокая луна плыла над кабаками,
Качались небеса, дымилась страстно грязь,
И дворник гнал бомжа из школьных врат пинками,
И бомж рыгал в кулак, стыдливо матерясь.

Умру, но не пойму, как я все это вынес,
Как от досады не упали небеса:
Звериная тоска, звериная невинность,
Наивная душа и пьяные глаза.

И вспомнить тяжело, а видеть — вовсе тошно:
Не жизнь, не смерть, не боль, вообще — ни бе ни ме,
Классическая грязь, классическая пошлость,
Расцвет вся земли, так вот оно, акме!

...Я помню вас, года весны моей никчемной:
Март плавает в грязи, шансон вдали орет,
И дворник-педофил ругается с девчонкой,
И плачет, как дитя, и пьяно в грязь плюет.

Татарская луна над русскою ордою
Качается, плывет, слегка навеселе,
И хочет третий мир свободы и покоя,
И хочет забытья в гостеприимной мгле.

Денатурат — маяк изменчивых фантазий —
Манит пловцов в Ничто, питает в душах пыл
И в плаванье зовет по океану грязи —
Без компаса, без карт, штурвала и ветрил.

И вот — плывут, плывут, в оцепененье сладком,
Из ломки в забытье, из кабака в кабак,
В смиренномудрый рай невинного упадка,
Благословляя грязь и обживая мрак.

Везде — везде — везде — на всем земном пространстве
Качается луна и дыбится земля,
Железный жезл пасет народ в срединном царстве,
И лезет на рожон непуганая тля.

Классический сюжет нам нынче обеспечен:
Блестит трамвайный путь, звезда устала плыть,
И желтая луна распухла, словно печень, —
Лиризм сидит в кишках, и хочется завывать.

Рассказывай мне, Русь, твои святые байки, —
В них, как в хмельном питье, смешались тьма и свет,
Цинизм, любовь, и грязь, и правда без утайки...
Вот почему я твой поклонник и поэт,

Вот почему со мной всегда, в любом обличье,
Плывет сквозь жизнь твоя хмельная нищета,
Густой военный мат, беспутное величье
И бородатый бомж, похожий на Христа...

ПРОГУЛКА

Огоньком прожигающий мрак,
По сугробам порхающий шатко,
Кто он, этот промерзший чужак,
По бульвару бредущий без шапки?
Мимо нервно блестящих витрин,
Мимо скверов, украшенных скверно,
Мимо дряхлых, прогнивших внутри
Лже-ампира и псевдо-модерна?
Это я – или кто-то другой
В им самим сочиненной сатире
Гулко топает вязкой тропой
По сугробной загробной Сибири?

Этот мир мне так страшно знаком,
Он буянит, во тьме налетая,
Божьим раем и русским райком
Беспризорные души пугая.
Дразнят взгляды на каждом шагу
Пышный бред, богатырская сила,
Снег и мрамор, гранит и чугун –
Злость и нежность сибирского стиля.
Он прекрасен, обугленный мир,
Плохи в нем только страшные были:
Помнишь, раньше мы были детьми,
И людьми мы, наверное, были?

Все – сверх меры, навзрыд, чересчур.
Как в бреду, преступая границы,
Снегопадный сугробный сумбур
Заставляет уста шевелиться.
Так и шепчешь: «Пускай. Ничего» –
В небо цвета дождя и металла.
Просто где-то в груди тяжело,
Там, где сердце когда-то стучало.

Все пойму: просто не повезло,
Так и нужно для целого света –
Плодотворное, чистое зло,
Ясность цели, проверенность средства...
Все пойму... ничего не приму:
Ни грязцы, ни позора, ни труса,
Перестройки казармы в тюрьму,
Украшений столетнего трупа,
Скушных елей, безлюдных полей,
Желчи клятв, пестроты декораций...
Жуть все лучше, жуть все веселей,
Только мне неохота смеяться.

Темноте, а быть может, стране
Шепчешь, чиркая нервною спичкой:
Не принять, не простить, не... не... не...
Не забыть, не исчезнуть, не спиться...
Только уголь нетленных свобод,
Кем-то вдвинутый в грудь ротозея,
Опалит, оскорбит, обожжет,
Никого никогда не согреет.
Закрывая бегущей строкой
Все, чего мы понять не успели,
Мельтешит по-над черной рекой
Белый морок январской метели.
Молчаливо куются мечи,
Разум нищ и обуглены нервы,
И над этим – зловеще молчит
Неподкупное русское небо.

ГОРОД

Город смутный, город Достоевский,
Плеть Петра да посвист Ермака...
Брат, наследник, сын столицы невской,
Ты не изменился за века.

Здесь лежит Великий путь — к востоку.
Здесь лишь ясно, как земля кругла.
Здесь земные отбывали сроки
Те, кого Москва не приняла:

Казачи, острожники, поэты —
Вечные изгнанники страны...
Здесь столица возвышалась летом,
Осенью — пылал пожар войны.

Власть меняла лики и названья,
Только суть во все века одна —
Холод, вьюги, каторжные бани,
Плеть, шипы, острожная стена.

Крепость. Пушки. Мрак — сильней сияний.
Старая церквушка. Вечный Бог.
И над белизной старинных зданий
Небосвод, как обморок, глубок.

Ни войны, ни мира, ни покоя...
Темные дома. Глаза огней.
Вьется снег над черною рекою,
Вьется дым над родиной моей.

А в минуты ясности короткой
Вижу я, как сквозь глубокий сон:
Спрячут в небе Змий и Агнец кроткий,
Спрячут в небе Лев и Скорпион.

А когда в степных просторах дальних
Гром грохочет, всех смертей грозней —
То бросок костей, костей игральных,
Ставка же — судьба земли моей!

Для игры священной опустели
Шахматные клетки площадей,
Клетки, на которые летели
Головы проигранных людей...

...Много есть дорог на белом свете,
Много предстоит мне повидать,
Много городов развеет ветер,
Так, что и следов не отыскать,

Но о том, что видел в колыбели,
Вечно помню — с болью и трудом:
Достоевский. Белые метели.
Черная река и Мертвый дом.

ПЕТЕРБУРГ

Дворцы и храмы, скверы и бульвары,
Густая тишь над грозною Невой,
Видения, пророчества, кошмары
И сонный омут там, над головой...

Мосты, веранды, вывески, витрины,
Огни кафе, дожди, туман и дым,
Слепые окна книжных магазинов
И шаг незримых войск по мостовым...

Безликость камня, хитрость геометра,
Отвес и циркуль, пламень и кристалл,
Пронзительность октябрьского ветра,
Фонарь, аптека, улица, канал...

Царей великолепная ошибка –
Воздушный замок и гранитный сад.
Балы, парады, строгость – и улыбка,
Имперский блеск, классический разврат...

По площади невыразимо чинной
Под окнами бессонного дворца
Петры гуляют и Екатерины
И шутят, удивляя пришлеца.

И стайки разговорчивых туристов,
Терзая шлейф щебечущей молвы,
Гоняет в небе, весел и неистов,
Холодный ветер с голубой Невы.

Нельзя терять без шутки ни минуты –
Чтоб заглушить саднящий ад вины,
Начала и концы российской смуты
В галантный праздник здесь обращены,

В великолепии каменного сада,
Возникшего из сумрака болот...
Сороконожка серой колоннады
Вот-вот сорвется с места и пойдет.

Тот ад, что цезарям казался раем,
Давно ушел со сцены без следа.
Игра в Европу кончилась, мы знаем.
Все маски сняты. Встаньте, господа.

Игра доиграна. Все карты биты.
Но нам дано пространство для мечты –
Для веры в ум, в проверенность орбиты,
В порядок, стройность, силу красоты.

Миражное пространство маскарада,
Воздушный замок без земных основ,
Тебе правдоподобным быть не надо –
Ты состоишь из наших слов и снов.

Не нарушай классического такта,
Не завершай французский разговор
И оставайся городом-спектаклем,
Где ветер, флаги, холод и простор.

МОСКВА

*Третий Рим — гениальный юродивый —
Расправляет лохматые волосы...*

Илья Тюрин

Третий Рим, второй Ершалаим —
Сколько прозвищ мы тебе дарили?
Мы торгуем, строимся, горим —
Вечен ты в своей лукавой силе.

Над тщетой опальных наших дней,
Где мелькает злоба дня пустая,
Вновь Москва, как город-Назорей,
Волосы — дороги распускает —

Спутанные, в седине снегов,
Словно сеть, которой ловят небо...
Семь холмов, семь башен, семь Голгоф,
Лоб Земли, сплетенье русских нервов.

С древности, с монголов, с Калиты
Ты сбирала землю по крупицам,
Чтоб смогли все русские мечты
О твое величие разбиться.

Слобода за слободой росли,
Ни мороз, ни враг им не был страшен,
И тянулись к небу от земли
Пальцы красные кремлевских башен...

Прирастая гордостью своей,
Строилась ты на крови и славе —
Каменными юбками церквей,
Медными волнами православья...

Из судеб нарублены рубли...
Полон мыслей о стране распятой
Лоб, таящий мозг всея Земли,
Словно площадь Красная, покатый.

Лобные места, кресты церквей,
Автотрассы, башни, дым и грохот...
Слился с правдой — общей и моей —
Этот злой, великий, темный город.

Третий Рим, огромен и суров, —
Сердце, кровь гонящее без цели,
Город звона, казней и крестов,
Город плясок, гульбищ и метелей...

В нем хранится, до поры таим,
Русский путь от смерти к воскресенью —
Третий Рим, второй Ершалаим,
Город — царь и город — наважденье.

МОСКВА-СИБИРЬ

У меня в Москве – купола горят.
М.Ц.

У меня в Сибири – снега лежат.
У меня в Сибири – леса дрожат.
И Сибирский тракт сквозь века ведет
В окровавленный небосвод.

У тебя в Москве – колокольный звон,
Колокольный звон из иных времен.
Колокольный звон да монетный звяк,
Беготня, да гам,
да кабацкий мрак.

А в Сибири-то кандалы звенят,
Кандалы звенят да слова звучат
Про воров, про воронов, про орлов, –
Слишком много их,
непокорных слов!

А Москва все молится да молчит,
Все молчит-молчит да суму растит.
Нарубить рублей из живых людей –
Вот затеюшка
краше всех затей!

Но медвежьей шкурой чернеет даль,
И снега молчат, и молчит печаль,
Молча светит горечь сквозь темень глаз:
Нам сквозь строй идти –
да не в первый раз.

И бегут гонцы из Москвы в Сибирь,
И медвежьей шкурой ложится ширь,
И звучит в столетьях крикливый спор,
И не строг острог,
и топор востер.

Колокольный звон да кандалный звон –
Завязался спор до конца времен.
И звенят они, не уйдут добром,
Сквозь монетный звяк
да снарядный гром.

МОЯ СИБИРИАДА

*Сибирь снегами тяжела,
Как шапка Мономаха.*

Любовь Евдокимова

Под звездным небом серебрится снег.
Легко течение воздушных рек.
Любая ель, что здесь в снегу стоит,
Прочней и выше древних пирамид.
Деревьев вековых высокий строй
Стоит Китайской царственной стеной.
И ветер в мир несет благую весть:
Сибирь есть тяжесть, но она — не крест:
Страна моя, где нет добра без зла,
Как шапка Мономаха, тяжела.

Вдали молчат Атлант и Прометей:
Им нечем дорожить, кроме цепей.
И спит который век, который год
Над старым миром плоский небосвод.
Ему судьбой преподнесен урок:
Европа — рукоять, Сибирь — клинок!

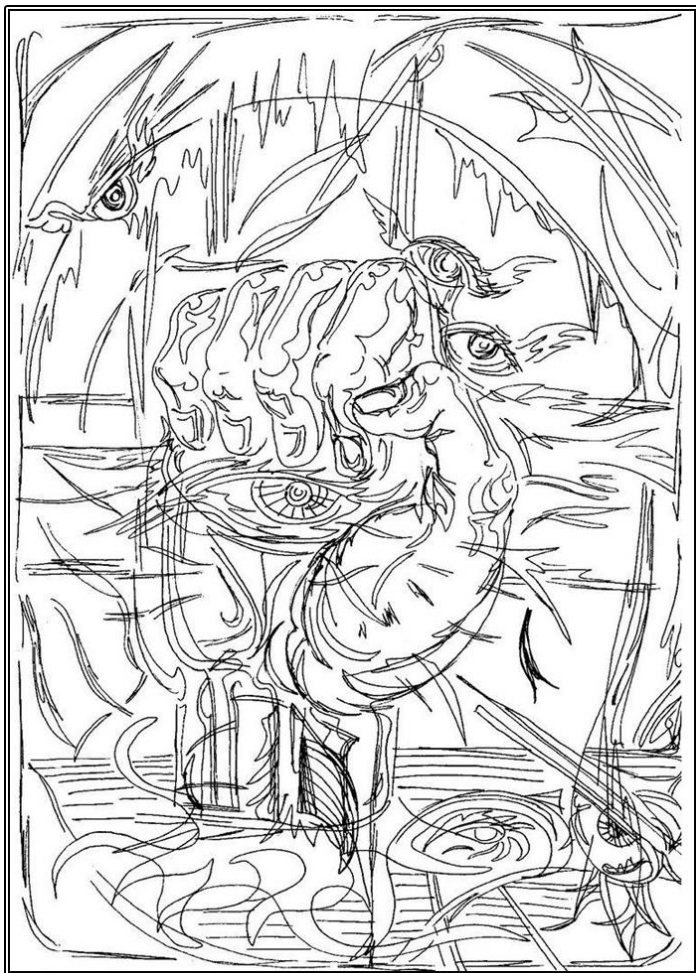
В Сибири снег горяч, как молоко,
И кажется, что можно здесь легко
Небес коснуться, только не рукой —
Протянутой за счастьем строкой.
Здесь, лишь ветвей коснешься ты в метель, —
Одним движеньем царственная ель
Снег сбрасывает с веток сгоряча,
Как будто шубу с царского плеча.
«Дарю тебе. Ты — бог иль богатырь?
Неси, коль сможешь. Тяжела Сибирь!»
Страна моя, где нет добра без зла,
Как шапка Мономаха, тяжела.

Здесь нет границ меж миром и войной,
Здесь нет тепла, нет легкости земной.
Но правда, что в земле затаена,
Растет, растет — без отдыха, без сна,
Чтоб обрести предсказанный свой рост —
Превыше неба, ангелов и звезд.

Расти, расти над миром, над собой,
Над дружбой, что зовут у нас борьбой,
Над склоками царей, цариц, царьков,
Над пресной мудростью былых веков,
Над звоном поражений и побед
И над звездой, не видящей свой свет.
Блуждай, страдай, ищи себя в пути,
Но, вопреки всему, — расти, расти!..

■ краденое солнце

КРАСНОЕ НА ЧЕРНОМ

ЗОЛОТОЙ ПЕСОК

Мне вверен труд, пока не вышел срок, –
Я промываю время, как песок,

Просеиваю в строчках прах веков,
Взметнувшийся из-под чужих подков,

Ищу, свищу, взыскую, ворожу
И золотой осадок нахожу.

В нем быть хрустит, как золотая пыль –
Погоня, плен, серебряный ковыль,

Хазарский свист, столетий звездопад
И облаков кочующий Царьград,

И сплетшиеся замертво тела,
И двух людей пронзившая стрела –

Меня – с певцом, что в том, былом веку
Гремел напевом «Слова о полку»...

И, мучаясь, тоскуя и любя,
Из древних стрел я выплавил себя.

Я выплавил из сабель свой напев,
Что лишь окрепнет, в душах отзвенев.

И пусть течет сквозь веки и века
Строка моя, как Млечная река,

Как трубы птиц над Сулой и Двиной,
Как лисий порск, как древний волчий вой

И не найдет вовек в пути преград
Небесных туч кочующий Царьград!

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЧЕЛОВЕКА

Поэтический комментарий к Дарвину

Стихли в небе орлиные клики.
Мир дрожал, как в последний свой миг...
Кроманьонец, усталый и дикий,
С палкой вышел из дебрей лесных...

Он смотрел на луну первозданно,
Допотопно, пещерно и зло...
И в мозгу у него окаянно
Что-то мучилось, зрело, росло...

Поднимались дворцы и колонны,
Восставали над миром цари,
Римы, Лондоны и Вавилоны
Каменели в сиянье зари...

Кроманьонец стоял, тихо ахал
И ручищей слезу стирал...
Только мамонт – впервые без страха –
На него из чащобы взирал.

А в душе у лесного бродяги
Под неведомый атомный скрип
В первозданном тумане и влаге
Поднимался чудовищный гриб...

Эдды, Библии, кодексы веры
Зарождались в лучистой пыли...
И в узорах на стенах пещеры
Прорастали эскизы Дали...

И молчали тревожно пещеры,
Предвкушая, как скоро, горя,
Над столицами атомной эры
Мезозойская встанет заря.

СТОИЦИЗМ

В черном стоическом небе кровавые светлы.
Красное пламя, солдатские медные лица...
Через столетья, быть может, хмельному поэту
Это приснится.

Молча солдаты скрестили могучие руки,
Мускулы напряжены, только лица спокойны.
В южной пустыне звучат заунывные звуки –
Песни про войны.

Воин-философ лежит на камнях, улыбаясь.
Лавры Нерона кровавят виски всей державе.
Так говорю, осторожной рукой прикасаясь
К крови и славе.

Нам наши внуки завидовать будут, конечно.
В этой сирийской глуши мы для этого бьемся...
Пусть эта глупая драчка продлится навечно –
Мы не сдаемся.

Землю удобряют солдаты, одобряют поэты.
Разум богат, только сердце так немощно нище...
Как хорошо умирается после победы,
На пепелище.

Если уйти – то без слов, без истерик, без жестов,
Просто и скупое, с язвительной римской усмешкой...
В нашей державе для общих могил много места.
Воин, не мешкай!

Все относительно – подвиг, и смерть, и отвага.
Зря лишь я жизнь сочиняю в эпическом роде...
Знаешь, а я не готов для последнего шага,
Я не свободен.

Чувствую – Некто грядет, что-то в мире свершится...
Но и тогда нам даруются новые войны.
Звезды надменны. Костры озаряют нам лица.
Небо спокойно.

Перебирая холодные звезды, как четки,
Старый астролог бормочет и шепчет проклятья –
Труп мудреца в римских термах давно перечеркнут
Тенью распятыя.

СТЕПНАЯ ЛЮБОВЬ

(хриплым голосом, под Высоцкого)

Пленница, славянка с гордой кровью,
Где ты, за какой глухой стеной?
Были мы разлучены – любовью,
Были мы повенчаны – войной.

Я твой город взял когда-то с боем
И тебя, – твой враг, а ныне – друг, –
Желтою татарскою рукою
Вырвал из холеных княжых рук.

Я тебе дарил степей раздолье,
Кобылиц татарских табуны;
Древнею ордынской твердой волей
Обещал престол моей страны.

Только кровь, звенящая, лихая,
Для которой каждый шаг – война, –
Это пропасть без конца, без края,
Это нерушимая стена.

Ты сбежала... И в лесах да чащах,
Средь осенней золотой листвы,
Средь стволов высоких да звенящих
От степной ты скрылась «татарвы».

Я твоими прохожу тропами
И, встречая брачную зарю,
Узкими татарскими очами
На огромный, светлый мир смотрю.

Вспоминаю небо, степь без края,
Золото трепещущей травы –
И стрелу, как птицу, отпускаю
С чуткой и звенящей тетивы.

Ворожу, молюсь степному богу:
Пусть, замороженная, она
Мне к тебе укажет степь-дорогу
Иль убьет, коль ты мне не верна!

ВОЛК

Бегу я по траве в конце большого дня.
Идет, идет в лесу облава на меня.

Я ранен. Но сейчас уже мне все равно.
И логово мое разрушено давно.

Повсюду мельтешат кровавые флажки,
Изрешетили воздух ружьями враги.

Волк волку человек! Я не могу забыть,
Что нынче жить с людьми— по-человечьи выть!

Молчание... Огнем пальнул в меня злодей.
Но может волк порою укрощать людей!

Но легче жизнь прожить, чем поле пробежать,
Где алые флажки кругом горят опять...

А небеса легки, и горек запах трав...
Волчата!

Где вы?

Где?....

Огонь!...

Закат кровав...

К земле припасть. И свет
вдохнуть большим глотком.
И раны облизать шершавым языком.

И что есть сил завывать под залпами огня:
«Волчата! Надо жить!

Не мстите за меня!..»

СКОМОРОХИ

Что поделать, что поделать, — шутки плохи.
За улыбки — иль на постриг, иль в острог...
Оттого-то и бредем мы, скоморохи,
По последней из нехоженных дорог.

Все улыбки, все насмешки отзвучали,
И шутить теперь опасно — Бог спаси!
Оттого-то наши лица и в печали,
Оттого-то мало смеха на Руси.

А казалось, а казалось, а казалось —
Хорошо смешить гурьбой служивый люд!
Наши судьбы могут вызвать только жалость,
Нас изгнанниками истины зовут...

Вот — идем, поем, бредем дорогой дикой...
Может, кто-то хочет шуток да утех?...
По отчизне да по Родине великой,
Собирая подаянье, бродит смех...

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ ПАЛАЧ

Работу получил я по наследству.
Я не хотел! Я был здесь ни при чем!
Но люди затвердили это с детства:
Сын палача стать должен палачом.

Не изменить ни крови, ни природе.
Я за ступенью прохожу ступень.
Казнимый только раз на плаху всходит,
Палач туда приходит каждый день.

И в миг, когда топор я поднимаю,
Душа, как будто пот, течет из пор.
– Господь, Господь! Грехи свои я знаю!
Господь, прости! И упадет топор.

Иду домой. Один. Перестрадаю,
Переживу. Ведь я привык страдать.
Ногою пса голодного пинаю.
Пью. Как на плаху, падаю в кровать.

Глаза закрою – и средь мрака ночи
Вдруг вспыхнет совесть, осужденье зла,
И некий свет до крови режет очи,
Смертельно яркий, острый, как игла...

Во мне, как зуб, прорежется сомненье,
Лишая сна, покоя, тишины,
И я схожу по медленным ступеням
К сознанию долгой, тягостной вины.

Молюсь. Вдруг плюну на икону злобно –
И разрыдаюсь. Вниз направлю взор.
А луч луны вдруг озарит упорно
Лежащий под божницею топор...

Но кровь – зовет. И не изменишь крови.
Но мир жесток, где плач смелей, чем смех,
Где крылья страсти тянут вниз сурово,
А совесть – груз, что поднимает вверх.

Со смертью завтра я сыграю в кости.
Проснусь в слезах, унижен, зол и мал,
Чтоб снова на бревенчатом помосте
Тем злей казнить, чем больше я страдал.

ВИЙОН ПОКИДАЕТ ПАРИЖ

(8 января 1463 г.)

Прояснились в нем страшно мысли...

Пушкин

Со скрипом затворились ворота.
Прощай, Париж, тебя я не увижу...
От жизни не осталось ни черта.
В башке – разброд, и в сердце – пустота.
Я сам не знаю, что сейчас мне ближе:
Дорога из Быть Может в Никуда,
Без карты, плана, компаса и цели,
Старушка-мать, молящая Христа,
Иль аббатиса в шелковой постели?
Я сам не знаю, в чем я виноват,
Но чувствую, куда ведет дорога.
Не знает шея, сколько весит зад,
Но сердце... сердце знает слишком много.

Как на беду, открыты все пути.
Кругом – простор. Но некуда идти.

Мой господин! Месье судья! Как мило
Жалеть, что добрый Бог меня не спас.
Но все ж – под этой шляпой что-то было,
Хотя бы то, что раздражало вас.
Я извиняюсь... но не изменяюсь.
Негоже спорить с жабой соловью.
Но этак я, свирепствуя и каюсь,
Добьюсь того, что сам себя добыю...

Мой милый принц, вам ведать не с руки,
Какую язву мне всадили в печень
Отваренные злые языки.

Но ими вдохновленные стихи
Бессмертье мне, однако, обеспечат.
В моих стихах – парижский пьяный быт,
Нескромные намеки да издевки...
Париж чего-то стоит, может быть...
Я не сужу. Но рай не стоит девки.

О, эти дамы будущих времен!
О, ваша светлость, ваша непродажность!
Как вам мила, судя со всех сторон,
Поэзии бессмертная бумажность!
Бумажный бог, бумажный сатана,
Бумажные удавленнички в петлях...
А мне от вас не нужно ни хрена.
Я умер. Я исчез, как пламя в пепле.

Я снова философствую! Школяр,
От жизни улепетываю в песню.
Мой многоглавый, словно гидра, дар
Мне сделал мысли злей и интересней.
Способна философия одна
Из человека сделать обезьянку...
Как обезьянна, пресна и верна
Моя Баллада истин наизнанку.

Мой дикий стих, мой непристойный храм
Переживет меня – как тут не злиться?
Развею все вийонство по ветрам,
Раздам себя несчастным – по крупiciцам.
А все же, черт возьми, сие забавно:
Пииты всех веков найдут приют
В моих стихах, где тихо так и славно
Удавленнички пляшут и поют.

Пока есть чудачки, что склонны верить
В рожденные моим умом слова,
Я буду робеспьерить и вольтерить,
Верлениить, элюарить, волхвовать;

В язвительных стихах и в острой прозе,
Куражась, лицемеря и смеясь,
Слагать в веках один роман о Розе –
О Розе, втопанной ногами в грязь.

Как думаешь сейчас, месье поэт,
В твоём мозгу не много ли извилин?
Себя я вижу – через много лет
С запретной книгой в сквере Шарлевиля.
Я – это он: школяр, сбежавший раб,
Мятежный галл, покинувший Европу,
Мальчишка, что, напившись, как корабль,
Галопом понесется к Эфиопам.
Дрянной мальчишка! Нищий! Пьяный бог!
Вперед! Ногами измеряй дороги!
Несись к пределу мира со всех ног,
Пока тебе не отрубили ноги!

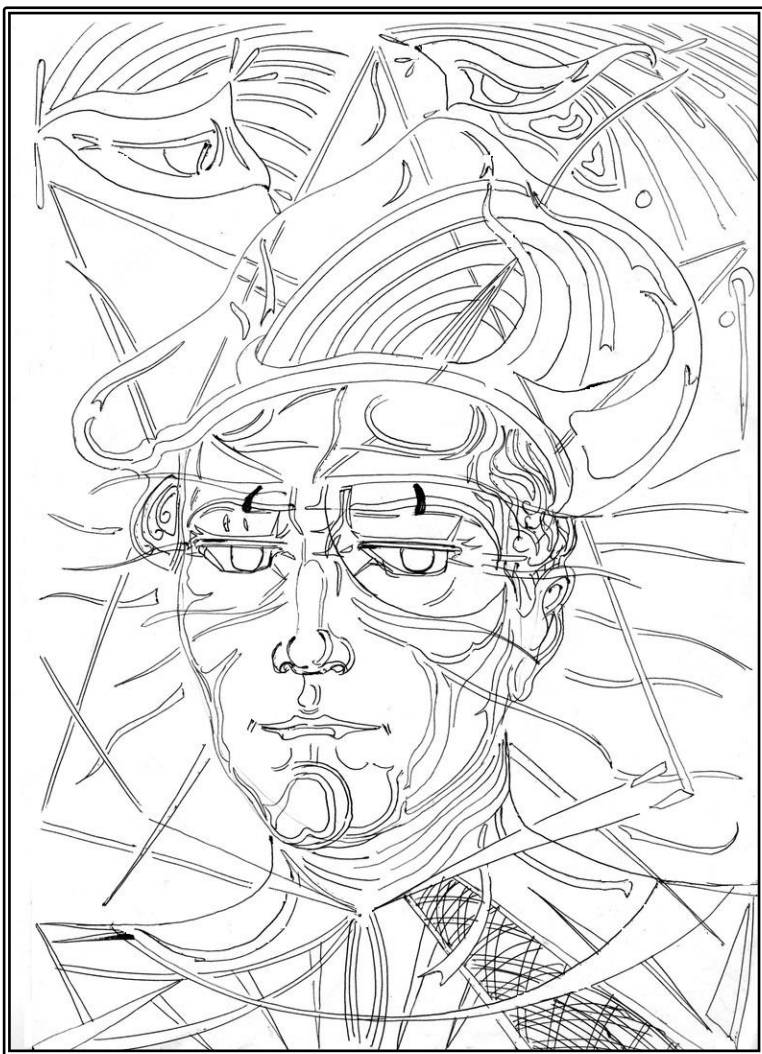
Да, Бог не строг для строк, в которых – рок
Твердит о славе, долге и расплате.
Арап из Скифии, сверчок, пророк,
Я напишу роман в стихах... когда-то.
Возьму за горло ревность-недотрогу,
Предсмертный снег почую на губах
И все, что предъявить сумею Богу, –
Стихи в устах и пулю, что в кишках.

И озорной гуляка-московит,
Что малость искорежен пьяным веком,
В стихе моею бронзой прозвенит,
Ведя беседы с Черным человеком.
Я с этой мразью хорошо знаком!
Я с ним на «ты» – и этого не скрою.
Так мастерски он треплет языком,
Что хочется повеситься порою.
Он вечно прав, он речи заплетает,
В которых желчь чиста, как первый снег...
А вот сейчас – его мне не хватает...
Да, где же ты, мой Черный человек?

Мой Черный человек в костюме сером!
Ты побледнеешь, увидав меня.
Моя любовь – неслыханная вера –
Все желчней и честней день ото дня.
Тебе спою я под гитару хрипло,
Как волчью стаю гонят на убой,
И вновь от грязи, что ко мне прилипла,
Отмоюсь лишь одной скупой слезой.

Да... Но – зачем, как прежде, день за днем
Искать себе несыгранные роли?
Довольно в этом мире шепутном
Я сока человеческого пролил.
Довольно. Я устал. Уйду. Уйду.
Я много лет в словах шутливых песен
Горю в раю, блаженствую в аду,
И только на земле я бестелесен.
Мне надо жить – и только. Жить, жить, жить!
Мой стих бы стих, да я стихать не буду...
Пока я жив, я буду правду крыть,
Я всюду буду устремляться к чуду.
От жажды умирая у колодца,
Я не раскаюсь, что себя не спас.
Душа вскипит, взыграет... обойдется.
Вы дальше от меня, чем я от вас.
Вновь старый дьявол будет огорошен.
Валяй, судьба, верти веретено!
Все сочтено. Путь выбран. Жребий – брошен.

Я буду жить. А дальше – все равно!

КОЛУМБ ВЕРНУЛСЯ

(монолог пьяного адмирала)

На небе светит тупоглазый месяц.
Я на него готов завить, как пес.
На всю вселенную усы развесив,
Меня в таверне слушает матрос.
Ночь холодна, как будто королева.
Европа спит, грязна, как мой камзол.
И тошно представлять, твою налево,
Что я – источник золота и зол...

Когда стремился я в поход индейский,
Я не стыдился лести и вранья –
Руководила мной, по-компанейски,
Мистическая жажда бытия.
Сто раз я кланялся убийцам и прохвостам,
Сто раз просил займы у дураков,
Сквозь океан тащил пропойц на чертов остров,
Открыл дорогу в рай... и был таков.

Открыл? Проваливай! Тебя не жалче,
Чем тех рабов, что ты привез, дур-рак!
...Моя метафизическая алчность –
Дорога в Новый Свет и Новый Мрак.
Ругнуться бы озлобленно и грубо,
Да смысла в злобе нет... как и во всем.
Индеец-раб нахально пучит губы,
Не понимая, что мы тут несем...

Себя учу я, как язык индейский.
Ночь молчалива, словно ветчина.
Смерть смотрит вдаль с улыбкой фарисейской,
А жизнь – скучна, как верная жена.

Я быть пытаюсь сумрачным и гордым,
Я умножаю злобу и вранье...
А королева холодна, как орден,
Как званье адмиральское мое.

Я лгал. Я грабил. Я сменил отчизну.
Я знал похмелье, но знавал и хмель...
Хуан! Тащи бутылку. В небо брызну
Струей бургундского... Я, кстати, вызнал
Научное определение жизни –
Оно одно, простое: канитель.

Какая канитель, скажите просто, –
Мечтать о славе, золоте, добре,
Считать, что океан тебе по росту,
И оказаться смердом при дворе!
Они меня забудут, право слово,
Бог весть чьим именем прозвав страну,
Что я открыл... Но в этом нет худого.
Смешно другое, как я ни взгляну:

Сие забавно – стать в веках героем,
Рискуя жизнью, честью и душою,
Сквозь океан прокладывать следы
Для воровства, наживы и вражды.
Сквозь море рыскать, надрывая *опу,
Сто раз тонуть, в долги по грудь залезть,
Чтоб привезти в продажную Европу
Рабов, и золото, и модную болезнь;
В Мадриде плесть для грандов небылицы,
Просить деньжат, и жрать, и бабу мять...
Но стало тошно мне к чему-то зря стремиться
И что-то в этой жизни понимать.

Стреляй, скачи, живи... А что же дальше?
Как ни ломай башку, и не поймешь.
Во всем, что мы творим, есть доля фальши,
И даже правда – это праведная ложь.

Мы лжем, что ищем новизны, открытий.
Для грандов все равно, я жив иль мертв:
Достаньте золото, а там – хоть не живите,
Хоть удавитесь... Бережливый мот,
Я промотал себя – за власть и деньги,
Которые сквозь пальцы утекут...
Да, все мы дураки, но все мы – дети,
Не знающие, что они – растут.
Мы подрастем. Мы, может, поумнеем.
Мы станем благодарней и скромней...
Мадрид мудрит, вино в нем – чуть хмельнее,
Чем в Генуе, и сумрак – чуть черней.
Европа пахнет лавром и лимоном.
И на черта я мчал за океан?
Добро везде слабо, а зло – бездонно,
Как океан... как этот вот стакан.
Я пью, я пью... и не напьюсь, дружище.
Мы, моряки, такие дураки!
Плывем куда-то, все чего-то ищем,
Хотя не движутся материки...
И море нам бормочет матерки.

Мадрид мудрит, а гранды жаждут грантов.
Ночь молчалива, словно ветчина.
Откапыватель собственных талантов,
Я сам не знаю, в чем моя вина:
Я развратил открытием полмира,
Привез вам попугая и банан,
Приполз в харчевню, сам себе не милый,
И пью, и злюсь, что до сих пор не пьян.
Европа спит, как мирная старушка...
А океан ворчит, как Бог, суров...
Хуан! Тащи бутылку. Где же кружка?
Куда нам плыть? Понятно все без слов.

ОСЕНЬ В ВИЗАНТИИ

А.Балтину

Роскошна осень в Византии...

Великолепна осень в Византии.
Летит с небес багряная листва,
Тяжел покой тысячелетних парков,
И тяжелей стократ над спящим миром
Воздвигнутый Творцом незримый купол.

Рабы – смердят. Патриции – воруют.
Монахи – тихо молятся во храмах.
И со столпа святой над небесами
Обозревает христианский мир.
Молчат пределы темной Ойкумены.
Бушуют волны варварского Понта.
А в императорском дворце – спокойно,
И стража тихо дремлет в полутьме.

А император, совершив молитву,
Спокойным, тихим голосом велит
Казнить десятки невиновных граждан,
И тысячеголовая толпа
Молчит, дворец высокий окружая.
Надежны стены, и прочна решетка.

Великий Свод простерт над грешным миром.
Пока он прочен, ничего не страшно:
Пусть сто веков плетет свои интриги
Сын Херсонеса, хитрый Калокир.
Пусть император, чуть прищурив веки,
Бросает беспокойный взор на Киев,
Где варвары, где кровь, вино и страсть.

Пусть варвары волнуются, и цирки
Бушуют, и рвет город спор извечный:
– Ты за кого? За «синих» иль «зеленых»?
Поэты ропщут, молятся святые,
Болгаробойца проливает кровь,
Слепые, друг за друга уцепившись,
Шагают за апостолом Петром.

Пусть двое сарацинов у стены
Кидают жребий о судьбе Царьграда!
Пусть набухают варварские жилы!
Но закрома трещат, полны запасов,
Но крепкие быки идут по пашне,
Спокойны цареградские святыни.

Великолепна осень в Византии.
И кажется, что скоро, очень скоро
Царьград взойдет на небо, вознесется,
И станет царь земной – Царем небесным,
Господь – Поэтом Неба и Земли.

Великолепна осень в Византии.
Не родился Махмуд Завоеватель,
Что время Рогом Золотым свернет.
Жезл Мономахов и Палеологов
Высоко вознесен над старым миром,
И свод Софии спит над ойкуменой,
И далеко до смерти и зимы,
А дальше – Суд и семь веков позора,
А дальше – Воскресение из мертвых,
А дальше – тишина и синий свет...

Великолепна осень в Византии...

И до зимы – еще тысячелетье...

ПИСЬМО ИЗ МАНГАЗЕИ

(Из Юрия Крижанича)

Переулки пахнут снегом и березой,
Из узорчатых окошек льются звуки,
И взлетают балалаечные слезы
Выше мудрости, и радости, и муки.

Тяжело на службе царской? Бог с тобою.
Не хочу перед боярами гнуть шею.
Приезжай ко мне за Камень, — и с тобою
Мы покатам по кварталам Мангазеи.

Как ты слышал, — что творится за Варшавой?
Кто шумит? Как ерепенится посольство?
Ты живешь в грехе с плохой девкой — славой.
Самодержец не похвалит самовольство.

Самодержцем своей жизни быть мудрее —
Сам себе готовишь, стелешь и стираешь,
Самому себе и гнешь, и мылишь шею,
Для себя поешь, живешь и умираешь.

Здесь, в Сибири, снег горяч, как сумасшедший.
Звезды те же, но крупней, ядреней, слаще.
...Как окинешь строгим взглядом век прошедший —
И увидишь, что он весь ненастоящий.

Чем мы жили? И за что рубили бошки?
Это глупость, преступление иль измена?
...Помолчим. В моем доме молчат и кошки:
Помогают, но подслушивают стены.

Скоро стану я, наверно, фарисеем,
Буду проповеди петь о Божьем страхе
На потеху щегольку из Мангазеи
В кумачовой разукрашенной рубахе.

Все, что ярко, словно золото, — померкнет
В безразличии серебряной державы.
Пересечь ее, постичь, снять с неба мерку
Я бессилен. А туземцы, знаешь, — правы.

На земле они живут, как после смерти.
Просвещение для них тесно, как Европа.
Все дозволено на снежном белом свете
Для царя и для сбежавшего холопа.

Что поделать, но «аминь» слабей «авось».
Упоение победой — тоже пьянство.
...До чего здесь расточительная осень —
На плоды, и на цветы, и на пространство!

Вязига, и белорыбица, и птица —
Здесь для чрева есть приятного немало...
Здесь ворюга нанимает кровопийцу,
Чтоб Убийство послужило Капиталу.

Вечный брак труда и денег! Мысля туго,
Не поймешь — у них одни и те же лица,
И за каждым кровопийцей есть ворюга,
И на каждого ворюгу — кровопийца.

...В тишине звучит протяжный стук лопаты.
Он прекрасней, чем звон колокола медный.
Только выбеленные пустые скаты
За узорчатым окошком мне заметны.

Звезды гаснут. Что не так-то уж и плохо.
День грядущий нам сулит и смех, и слезы.
И звучит тяжелый заступ, как эпоха,
Разгребающая снежные заносы.

Ты в почете. Я в опале. Только, право,
Все бы отдал ты, чтоб слышать голос века
В безразмерности серебряной державы,
В безразличии серебряного снега.

ПАМЯТИ ИВАНА БУХГОЛЬЦА

Солнце над Москвой. Лихие речи.
Юный царь. Потешные войска...
Знал ли ты тогда, дворянчик-немчик,
Что судьба, как самогон, крепка?

Царь тебя растил не для уюта,
Не для шуток средь придворных дам...
Он послал тебя – в угрозу смуте –
В долгий путь за золотом Якута
По сибирским чашам и степям.

Грезишь славой? Это – после, после...
Знай: судьба пошлет тебе взамен
Пыль, и кровь, и злой джунгарский посвист,
Отступление с Ямышевских стен....

Но тебе удастся – вот нелепость! –
С войском в пару сотен человек
Основать одну большую крепость
На стечение двух сибирских рек.

И за то, что слушал глупых правил,
Войско не сгубил, не сделал зла,
Питербурх тебя под суд отправил,
И Сибирь на рабство избрала.

И гляди, любимый небесами,
Как, внушка немецкого любя,
Узкими, монгольскими глазами
Родина приветствует тебя!

Брошенный судьбой средь степи голой,
Сам в себя зарывший свой талант,
Основатель Кяхты, друг монголов,
Старый селенгинский комендант,

Знай: в веках степным повеяв духом,
Вечный сон найдя в степной траве,
Фразою простой: «Пропал как Бухольц» –
Сохранишься ты в людской молве.

Будет все. Метель-судьба отсвищет.
Время новый изберет маршрут.
И твоей могилы не отыщут,
И твою дорогу заметут.

Жизнь – одна лишь горькая нелепость,
Скрытая под холод черных плит...
Но тобой основанная крепость –
Омская – столетья простоит.

И встает в веках она с отвагой,
Лихословна, буйна и горда –
Рать Петрова, Стенькина ватага,
Золотая русская орда.

Истина преодолее слухи,
И известен стане на века
Комендант степей, полковник Бухольц, –
Друг Петра, наследник Ермака.

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ АДМИРАЛА

Как я вижу Колчака

Кровь половцев. Британская шинель.
Густая желчь, проснувшаяся всплеском.
И острый взгляд с почти рапирным блеском,
И пуля, что летит всегда – не в цель.

Лихой озноб военного набега...
Снега и кровь...И каждый Божий день
Россия пахла перевозданным снегом
И дымом от сожженных деревень.

«Русь – кончилась. Ее не сберегли...»
В боях казацких диких атаманов
Сибирь открылась, как нагая рана,
Чтоб на нее просыпать соль земли.

И дергалась улыбка тонких губ
От боли одиночества земного,
И взгляд был сразу жалким и суровым...
...Палач. Правитель. Кукла. Жертва. Труп.

И сколько раз струилась кровь рекой,
И сколько раз, турецким гневом пьяный,
Кулак сжимался – грозно, перевозданно,
И разжимался – слабо и легко...

Мороз. Бураны. Грубая шинель.
Озноб, налитый в душу, словно в чарку.
И смерть – отменной, офицерской марки,
На льду Иркутска, в полынье, в метель...

Земля седела от людских затей.
Глаза смотрели горестно и тупо.
И мчался Дон-Кихот вперед – по трупам –
На мельницу истории своей.

Лети, лети. Что будет – не гляди.
Там – полынья, метель, мороз смертельный...
...А сколько впереди осталось мельниц...
И сколько крови, боли – позади...

Я листал, словно старый альбом,
Память, где на седых фотоснимках
Старый мир, старый сад, старый дом, –
Прошлый век с настоящим в обнимку.

Деды-дети, мальчишки, друзья,
Что глядят с фотографий бумажных, –
Позабыть вас, конечно, нельзя,
Помнить – трудно, и горько, и страшно...

Вы несли свою жизнь на весу,
Вы ушли, – хоть неспешно, но быстро.
Не для вас стонет птица в лесу,
Не для вас шелестят ночью листья.

И, застыв, словно в свой смертный час,
Перед камерой, в прошлой России,
Вы глядите с улыбкой на нас –
Дурачки, скоморохи, родные!

Не спасло вас... ничто не спасло:
Земли, сабли, рубли... все пропало.
Вероятно, добро – это зло,
Что быть злом отчего-то устало.

Что ж, пора отдохнуть. Жизнь прошла.
Спите, прожитых лет не жалея.
Легок сон... а земля – тяжела.
Только жизнь, может быть, тяжелее.

НА ВОЛНЕ ПАВЛА ВАСИЛЬЕВА

Злые слухи сеются в народе,
Злые слухи – все-то обо мне:
Или я – козырный туз в колоде,
Или я – чужой в своей стране?

Всех вы узнаете по одеже:
Кто – палач, кто – жертва, кто – злодей.
Но и я, поди, умею тоже
Козырем ходить среди людей!

Мне ведь тоже издавна не жалко
На потеху сродникам своим
Воронье распугивать по балкам
Молодецким посвистом степным!

Сколько можно, сталью плоть калеча,
Перепутав блажь и благодать,
Мед и молоко российской речи
С тощей желчью книжников мешать?

Тощ певец, да буйно в нем сердечко.
Не лукавствуй, не шуткуй, – спеши,
Чтоб сказать, чтоб вымолвить словечко
Ради оправдания души!

Сможешь ли ударом богатырским
Указать нам, где ночует Бог,
Небосвод над городом сибирским
Раздвигая мускулами строк?

Дышит сквозь меня Боян былинный,
Сквозь меня поет степной Орфей –
Туз козырный, ветер соколиный,
Состоящий колокол степей.

Чуя нерастраченные силы,
Дышит грудь свободно и легко,
И, звуча, вовсю текут по жилам
Русской речи мед и молоко!

КОЗЫРЕВ - КУТИЛОВУ

Кутилов —
глазища тусклые.
Бродячая правда русская.
Смешная гордыня детская —
И красная кровь поэтская.
Солдатская прямота честная,
Нахлебникам неизвестная.
Сапсанья повадка хищная,
Для воина не излишняя...
Ни серости, ни ребячества —
Прочтешь две строки —
и плачется...
Кровь снова стихами мается...
— Кутилов! —
и речь срывается.
...Кутилов!
Рисунки пестрые.
И скифские скулы острые.
Не пасквилом, не пародией —
Ходил сквозняком по Родине.
Сквозняк всей Руси космической —
Сибирский поэт трагический!
Ты в небе зарыт без надобности —
— Земли тебе было мало бы!
Сияет зарею гордою
Твой волчий прищур над городом.
Твой черт над судьбой богатырскою
Метелью метет сибирскою:
«Сгоришь в цвету, не состаришься...»
А где ты сейчас мытаришься?
Не в адской ли чаше с серою?
— Кутилов воскрес!
— Верую!

Ты можешь отчалить в смерть, но я —
Твоя правота посмертная.
Хмельная, босая, вешняя —
Держава твоя нездешняя,
Козырная и кутящая —
Русь-матушка настоящая!
И отдано Богу — богово,
И отдано волку — логово.
Стихи не горят, поэтому —
Поэту дано
поэтово.

ПАМЯТИ ЕВГЕНИЯ ЕВТУШЕНКО

Что ж, свершилось. Тает снег.
Умер сам Двадцатый век.
Значит, вот таков удел
Всех бессмертных в мире тел.

Ты идешь к великим в даль –
Богородожденный враль,
Скоморох, пророк, поэт,
Уленшпигель наших лет.

Помню хмель твоей вины,
Острый взгляд из глубины,
Помню твой – сквозь морок лет –
Незлопамятный привет.

Скудный дар тебе дарю –
Тем же ритмом говорю,
Что Иосиф, милый враг,
Провожал певцов во мрак.

Этим шагом начат год.
Этим шагом смерть идет.
Так шагает старый бог:
Раз – шажок, другой – шажок.

Шаг за шагом – в темноту,
За последнюю черту,
Где ни лжи, ни естества,
Лишь слова, слова, слова.

От твоих трудов и дней
Нам осталось, что видней –
Твой обманчивый успех,
Твой оскал, твой едкий смех.

То стилиага, то герой,
Ты, меняясь, был собой –
Яд со сцены проливал,
Отравляя, исцелял.

Под задорный, острый взгляд
Мы глотали этот яд –
Вместе с миром и тобой,
Вместе с Богом и судьбой.

Ты – виновник всех растрат,
Жрец и рыцарь всех эстрад.
Ты горел, сжигал, сгорал,
Но скупым ты не бывал.

Ты – мишень и ты же – цель,
Как Гагарин и Фидель.
Белла, Роберт и Булат
Ждут, когда к ним встанешь в ряд.

А тебя, – прости всех нас, –
Хоронили много раз.
Что ж, воитель и герой,
Умирать нам не впервой.

Что ж, обман твой удался.
Ты в бессмертье ворвался.
Все простится за чертой
За надрыв и ропот твой,

За глухой тупик стиха,
За огонь и мрак зрачка,
За блистательность ошибки,
Черноту черновика.

Ты сейчас стоишь один
Средь заоблачных равнин –
Справа – свет, налево – тьма,
Снизу – Станция Зима.

Сценомирец, дай-то Бог,
Чтоб остался жгучим слог,
Чтоб талант твой не иссяк
На эстраде в небесах.

Что ж, прощай. Закрылась дверь.
Что осталось нам теперь?
Этот ритм – ать-и-два –
...и слова, слова, слова.

СНИГИРЬ

Что ты заводишь песню военну...

В веке двадцатом, в сумрачном веке,
Там, за туманом, видит мой взгляд
Белые снега, черные реки,
Детские слезы, крики солдат –
Славные даты, скорбные вехи,
Те, о которых не говорят.

В небе полуночи пристальный ангел,
Ночи в землянках и у костра,
Грохот тяжелых гусениц танка,
Звуки сирены, прожектора...
Спи, моя радость, спи, лихоманка,
Спи, не тревожься, спи до утра.

Вроде ты правду вымолвить в силах,
Но не старайся, не говори.
Просто неси ее в сердце и в жилах,
Не разбираясь, что жжет внутри.
Будь лаконичен, словно могилы,
Пепел, руины и снегири.

Долог период полураспада
Старой Европы, славной земли.
Буря и натиск, плен и блокада,
Камень и пепел, солнце в пыли.
Новую песню Дантова ада
Мы написали, но – не прочли.

Скверная слава, славная скверна...
Страшно похожи герой и злодей
Воинской статью, выправкой верной,
Шагом чеканным в тиши площадей.
Сколько их было? Много, наверно.
Гвозди бы делать из этих людей.

Звуки романса, вальса и марша.
Пристален взгляд. Выверен шаг.
Стали мы все на Историю старше,
Стал незаметней внутренний враг.
Многое ждет нас, может быть, дальше,
Но не сдается гордый «Варяг».

Смотрят из окон мертвые дети,
Бродят по свалкам мертвые псы.
Часто выходят призраки эти
Перед рассветом, в злые часы.
От свистопляски синей планеты
Звездные отяжелели весы.

Воины, боги, сверхчеловеки,
Что вам скажу я, не богатырь?
Все краснобаи смолкли навеки,
И молчалива русская ширь.
Только кружатся белые снега,
Только пропащий свищет снигирь.

СМЕРТЬ КОСМОНАВТА

Роскосмосу

В квартире на высоком этаже,
Прощаний государственных не слыша,
Уходит тот, кто землю видел свыше,
А сам – не думал о своей душе.

Здесь, на руках кремлевских повитух,
Вползая по чуть-чуть в предсмертный возглас,
Ворованный, застрявший в легких воздух
Пытается понять, что он есть – дух.

Покачивая круглой головой,
Элитный врач покойником встревожен:
Он с точки зренья смерти безнадежен –
Почти что мертвый, но навек живой.

Сплавляясь в вечность по теченью спин,
Он и не видит, как смешно и косно
В нем умирает нерожденный космос,
А в космосе – он сам, еще один.

В нем – небо, в небе – он, в яйце – игла...
Ступени отпадают понемножку.
Космическая русская матрешка,
Бесмысленная русская игра.

Он вознесется в безвоздушный ад,
Но без скафандра, без лица, без тела,
Как новичок, испуганно-несмело
Нагим войдет в свистящий звездопад.

Но это все он пережил сто раз
Здесь, на земле, она ведь тоже космос,
Здесь тем, кто рвется ввысь, ломает кости
Война земли и неба – без прикрас.

...Не будем создавать бравурных строф.
Не будем службами тревожить Бога.
На нашей жизни было слишком много
Космических банальных катастроф.

Еще один на небо отступил,
Еще одной мы поклонились тени,
Еще одно космическое тело
Развеялось в космическую пыль.

Но дети наших игрищ и забав
О нас не скажут благодарно: «Были»,
И будет жесткий нрав священной пыли
Хрустеть у них упрямо на зубах.

ОНЛАЙН

горит экран – от истины до бреда
в нем мечется горячая мысль
в глухой ночи пульсирует беседа
гудит чадит и поглощает мир

свод вечных истин нового издания
мгновения молчания и стихи
горит экран обугленный с изнанки
от взглядов глаз восторженно сухих

мои стихи рожденные так рано
извилины моих упрямых строк
написанные на лице экрана
сжигают электронное нутро

экран прозрачен и текуч как время
а под экраном словно под водой
живет иное чуждое нам племя
с иной душой любовью и враждой

на дне текучей словно мысли реки
в двоичном мире меж добром и злом
таинственные пляшут человечки
рожденные пространством и числом

внутри невозмутимого экрана
свободны беспечальны и легки
со вкусом вдохновенно неустанно
проглоченные спят материки

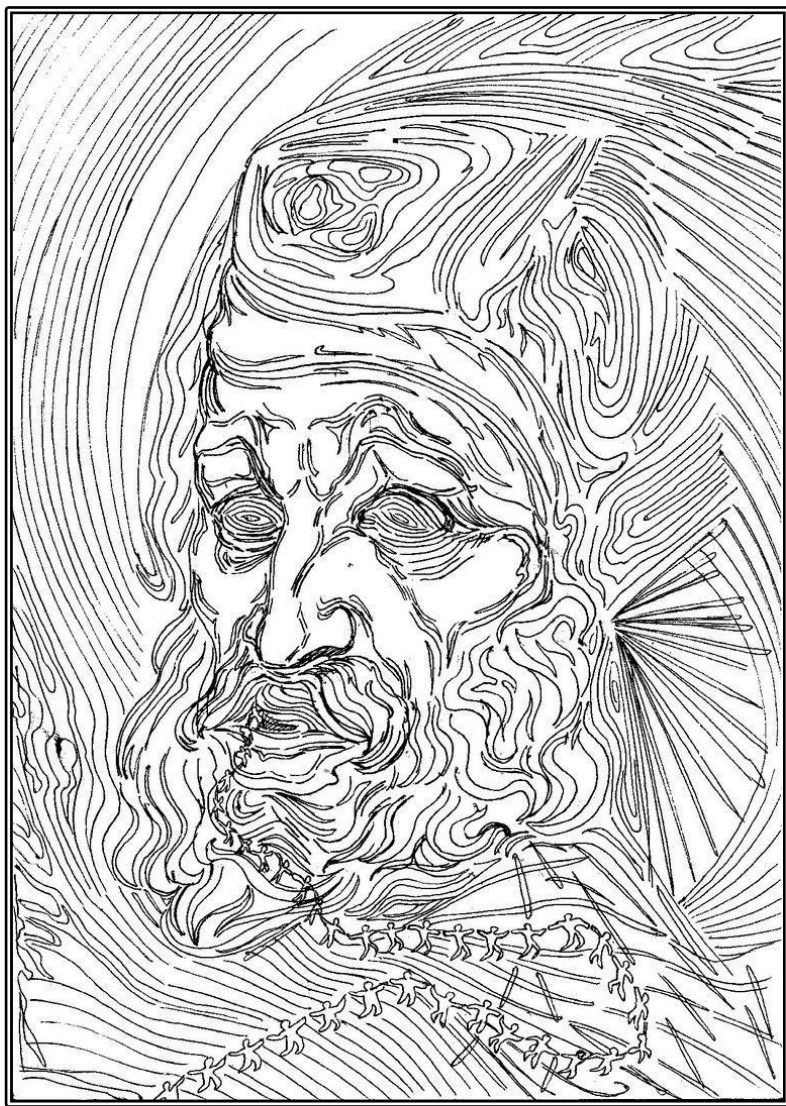
умы без тел спешат на новоселье
пир на весь мир чума на всю войну
когда ж сие закончится веселье
мы выдумаем новую страну

встает рассвет сегодня что-то рано
экран сияет но в душе темно
сойдя с невозмутимого экрана
сосед стучит в оглохшее окно

стозевное прожорливое чудо
задуманное злобно и мудро
следит за тем как ласково и чутко
мы входим в наш игрушечный мирок

и жадно ждет чудесного мгновенья
когда все люди всех времен и стран
без лиц имен и душ без сожаленья
войдут в один пылающий экран

■ пляшущие человечки

КОГДА ЗАКОНЧИТСЯ ТРОЯНСКАЯ ВОЙНА

Пока не кончится Троянская война,
Не говори мне о живых и мертвых.
Кто жив и мертв, кто прав и чья вина —
Все это нам неясно, тускло, стерто.

Война идет, она была всегда.
И тем, кто умирает, равно милы
В реакторе тяжелая вода,
Большая Берта и копье Ахилла.

Война приобрела иной размер.
Ахилл и Гектор все давно забыли:
Где Троя, кто там Шлиман, кто Гомер —
И превратились в тучи звездной пыли.

Графитовые стержни не текут,
Мы за судьбу убитых не в ответе,
Солдаты в смерть шеренгами идут
И мертвых в жизнь провозят на лафете.

Вдоль Черной речки я, Борис и Глеб
Идем, глядим наверх — и хмурим брови:
Живые делят с мертвыми свой хлеб
У волн кипящей черно-белой крови;

На кладбищах взрывается сирень,
Гремят артиллерийские раскаты,
И жители сожженных деревень
В могилах аплодируют солдатам;

Идет на город кислородный дождь,
Мы спим в просторах ледяной державы,
И нас не воскрешает наша мощь,
И нам легко от нашей мертвой славы.

Война превыше наших дел и мер.
Обол во рту ждет до конца дороги.
В коне троянском ждет слепой Гомер.
Во мне рыдают маленькие боги.

Пока не кончится Троянская война,
Мы не поймем, кто прав и чья вина.
Когда поймем, все будет слишком поздно,
Мертво, бескровно, ветрено и звездно —

Когда закончится Троянская война...

ПИСЬМО В ВОЕННОМ МУЗЕЕ

Я воевал. Я был убит в сражение.
И все, что сохранилось от меня, –
Одно письмо, что я писал в смятенье,
В землянке, у тревожного огня...

Теперь письмо заключено в музей.
Душа лежит бумажкой под стеклом.
Стоят подолгу люди перед нею,
Не зная, что произошло потом...

А я теперь – никто, я – призрак, атом.
Не знал я на планете похорон.
Лишь память треугольником помятым
Летит, летит сквозь глубину времен...

ПРИЗЫВ К ТОПОРУ

Мало было нам лихого слова, –
Подавай гражданскую войну!
И топор, убивший Пугачева,
Каши наварил на всю страну...

Накормили кашей топориной
Семью семь народов и племен –
И назад, за удалю старинной,
В вертоград невянущих знамен.

Топоры потратили на кашу –
Нечем дом поправить вековой...
Лишь топор да каша – пишща наша,
Только ими наш народ живой!

Думай, грезь, плыви не по течению,
Выбирай себя из века в век...
...Но пустить топор по назначенью
Не желает русский человек.

КРАСНОЕ НА ЧЕРНОМ

С утра до самой ночи
Твержу один мотив:
Мне страшное пророчит
Рябиновый надрыв.

Над Родиной моею
В крошечной русской тьме
Рябина пламенеет
На золотом холме.

Окрест нее сияет
Космическая мгла,
И пес приبلудный лает
Из отчего угла.

Лежат на лунной кромке
Под шелестом ветвей
Мальчишки и девчонки
Рябиновых кровей.

Взахлеб, в жару и пыли,
Путем всяя земли
Мы шли и честь хранили,
Да вот — не сберегли.

В венце опричной славы,
В упрек и в доблесть нам,
Медвежья кровь державы
Стекает по холмам.

Легко, огнеупорно,
Сияет на земле
Лишь красное на черном,
Лишь золото во мгле.

Как будто крови мало
Лилось за нас за всех...
И сил смотреть не стало,
И отвернуться — грех.

ЖУТКАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Шепот, робкое дыханье,
Трепет ручейка,
Сбитой птицы трепыханье
И прыжок хорька,
Рев, дрожанье, копошенье
Хищного зверья,
Топот, писк, гниенье, тленье
И заря, заря!...

Голод, нищие деревни,
Старые дома,
Пьяный смех в сырой харчевне,
Серость, грязь и тьма,
Разоренные жилища,
Слякоть пустыря,
И любовь на пепелище,
И заря, заря.

Холод брошенной постели,
Тусклый луч свечи,
Пробуждение без цели,
Тихий плач в ночи,
Кровь-руда из вскрытой жилы,
Пролитая зря,
Прах, распад, кресты, могилы —
И заря, заря!...

Спи, мой мальчик, тихо, сладко,
Это все — твое:
Ночь, свеча, перо, тетрадка,
Бомба и ружье.
Все достанется вам, детям:
Дом, кабак и храм...
Как ты разберешься с этим —
Догадайся сам.

ВСЕ О ЖИЗНИ

Стихи без глаголов

Вежливая медленность маршруток
Злая неуклюжесть мерседесов
Страшная начитанность блондинок
Буйная фантазия старушек
Странная прическа рогоносца
Мягкость электрического стула
Честность государственной газеты

Бескорыстные свиньи-копилки
Мощные ладони шахматиста
Красота последних книг Донцовой
Виртуозность женщины-таксиста
Наглая застенчивость мигрантов
Вежливость мужчины с автоматом

Добрая улыбка педофила
Чуткая находчивость таможни
Скучная улыбчивость нудиста
Праздничный порядок на дорогах
Бешенство железной табуретки
Злобное предательство домкрата

Мудрое бесстрашие идиота
Сладкая наивность бюрократа
Ласковая нежность вышибалы
Безупречность вкуса людоеда
Грация и шик Армагеддона

Блеск и нищета всего земного

ЧАЮЩИЙ ДВИЖЕНИЯ ВОДЫ

Расскажи мне о будущем, шмель золотой,
Прошурши, прожужжи.
Здесь я чувствую, как за последней чертой
Черти точат ножи,

Ходят ангелы по небу вниз головой,
Пляшут замки вдали,
И стоит немигающий звёздный конвой
В изголовье Земли.

Облетают короны рабов и царей,
Мрачен дух без души,
И свечное язычество у алтарей
Золотисто дрожит.

Расскажи мне о будущем, шмель-менестрель,
Южный огненный гость,
Урони мне в ладони таящую хмель
Желтозвёздную гроздь.

Я безмолвен, я чаю движенья воды,
Я – и путник, и цель...
В небе ветер твои замечает следы,
Чёрно-огненный шмель.

Ожидаю: вот-вот – и родится строка,
И заплачет вот-вот...
Только ангел на воду подует слегка,
Только тень промелькнёт.

Но молчат небеса над бряцаньем мечей,
И кружится Земля...
За последней чертой – только шёпот свечей
И жужжанье шмеля.

АВТОМАТИЧЕСКИЕ СТИХИ

* * *

тишина запечатана словно конверт
в котором лежит письмо без слов
говорящее обо всем
тому кто его не читает
и ни о чем
тому кто пытается его прочитать
в единственном лучшем из миров
состоящем из памяти и похмелья
кричащего обо мне
как ребенок, падающий со скалы
внутри моего
ненаписанного стихотворения

* * *

мраморная рука Творца
гладит мой лоб
ощупывает мое лицо
трогает мои мускулы
проверяет качество материала
из которого она будет лепить
свое изваяние
из плоти
которое нужно ей
чтобы разбиться об него
на тысячу мраморных осколков
на тысячу
маленьких
богов

* * *

я человек-небоскреб
большой и квадратный
упершийся в небеса
квадратной головой
с квадратными мозгами
и квадратными словами
в квадратных стихах
выносящихся из квадратного рта
и скребущих небо
которое еще
почему-то
не квадратное

* * *

каменное небо подземного храма
в перевернутом пространстве
моей строки
просыпается во мне
и смотрит во тьму
магического театра
скрытого в моей черепной коробке
проникая за кулисы
и видит беснование
застигнутых врасплох
птицеголовых двойников
несостоявшихся событий
из которых состоит
обычная
человеческая
жизнь

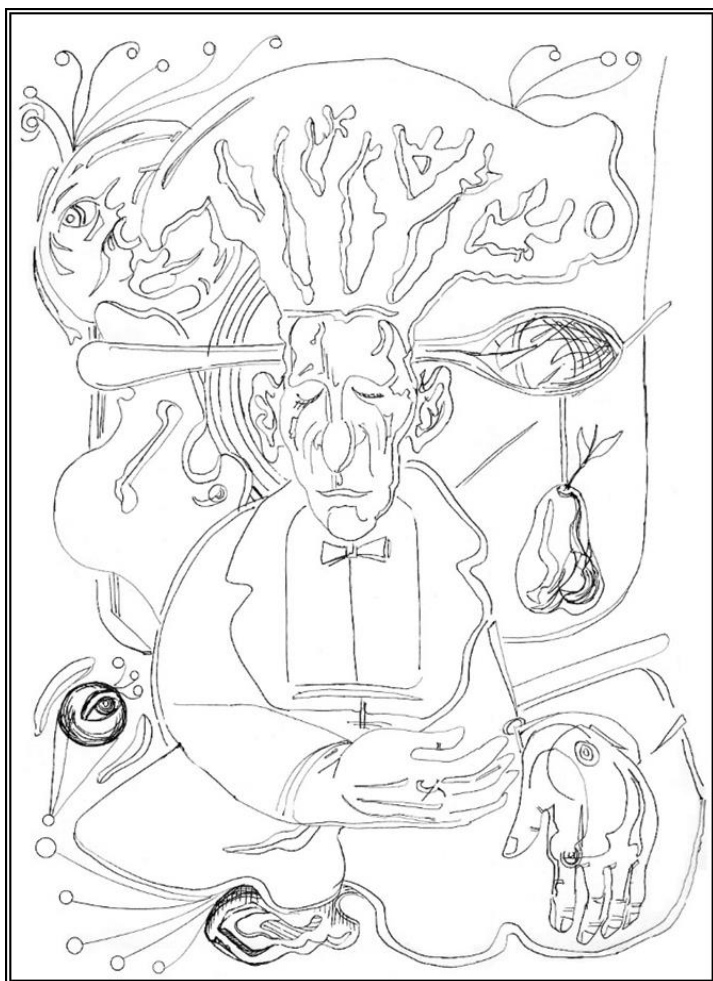
* * *

ощупывая будущее
в котором нет меня
я чувствую пальцами
холод
свободу
простор
серебристой осени
перебирающей плавниками
и открывающей рот
в руках ловца рыб и человек
уставшего от нас
и от себя

* * *

ПОЭТ-СКВОЗНЯК
бесплотный как время
входит читателю в одно ушко
выходит из другого
ничего не оставляет
но многое находит
в себе
простодушном и воздушном
легком как камень
мягком как ножницы
вечном как бумага
разграфленная для записи
партитуры
русских
сквозняков

■ Извлекатель квинт-эссенции

ПЕРЕОЦЕНКА ЦЕННОСТЕЙ

НОЯБРЬ

Ноябрь. Предзимье, как предсмертье.
Ослепло небо к ноябрю,
И город спазмами в предсердиях
Встречает серую зарю.

В холодных, пасмурных предместьях,
Среди приземистых трущоб,
Бездонный, темный этот месяц
Всем за год свой предъявит счет.

Морщинятся седые лужи,
Завод вдали дымит трубой,
И неприкаянные души
В ноябрь уходят, как в запой.

Рыдать. Хлебать ноябрь стаканом.
Трястись в маршрутке. Грязь месить.
Разбередить бывшие раны,
Донельзя душу растравить.

А ветер застревает в легких,
Он колется, горчит и жжет,
И тянет хитрою уловкой
Предугадать все наперед:

Большую, сумрачную зиму,
Бескровный, пристальный простор,
Жизнь, проносящуюся мимо,
Смерть, подступившую в упор.

Знать, позабудутся нескоро
Грязь, слякоть, серая заря
И гул осеннего простора
Из раковины ноября.

И полон смуты пестрый воздух,
И строчки в сердце не звучат,
Когда рябиновые грозди
Пророчески кровоточат.

ПУСТОТА

Мантра

Нет на свете ни черта.
Все в природе — пустота.
Пустота стоит в окне.
Небо светится во мне.

Пустота в реке течет,
В сквере городском растет.
Пустота в шкафу висит,
Пустота в тарелке спит.

Пустота творит меня
Из сияющего дня.
Я леплю из пустоты
Пустотелые мечты.

Я пустой тебя пустую
С упоением целую,
Понимая: в этот час
Пустота играет в нас.

Ничего на свете нет.
Есть лишь пустота и свет.
Есть сиянье пустоты,
Суть которой — Я и Ты.

ПОТОК СОЗНАНИЯ

Я удивлялся в жизни много раз
Как у убийцы чисто пахнут руки
Он моет их под краном каждый час
Наверно от безделья или скуки

Он лжец он *лицемэр* почти святой
Его уста невинны как и взоры
От них всюду воняет чистотой
Сквозь телевизоры и мониторы

Друзья мои ужасен наш союз
Союз народов армий и сословий
От выдуманных ангелов и муз
На мостовой следы реальной крови

В дождинках небо мнется на траве
За выдуманных ангелов в ответе
От ливня искры мокнут в голове
Я разбиваюсь как плевков об ветер

Поют шансон последние гроши
И не на кого в мире положиться
Людей полно но нету ни души
Среди полусмертей и полужизней

Пусть я один но я не одинок
Мой дождь привык со мною куролесить
Мой зонтик проживет еще годок
А головы мне хватит лет на десять

Пиши строчи чего-то сочиняй
Потом порви потом башкой об стенку
За это все ты повидаешь рай
Он розовый как девичья коленка

Никто живым не выйдет из огня
Но говорят же верят люди слепо
Что кто-то где-то прыгнул из окна
И взмыл в рассвет пробив башкою небо

Безумец не сойдет вовек с ума
Так что же я писал стихи напрасно
И ночь черна как чернота сама
И на земле так жутко и прекрасно

ПЕРЕОЦЕНКА ЦЕННОСТЕЙ

У кирпичной стены без следов штукатурки,
Подуствав от раздумий о зле и добре,
Я стоял и курил, и шипели окурки,
И шипели окурки в помойном ведре.

Я стоял и смотрел на огромное небо,
На огромное небо в корявом дожде,
И лечил тишиною сожженные нервы,
Пламень в нервах тушил в тишине, как в воде.

Я стоял и шептал эти пестрые строки,
Эти пестрые строки, сам еле живой,
И смотрели из мрака творцы и пророки,
И качался фонарь над моей головой.

Я шептал предсказания миру и граду,
Миру, граду и аду, в котором живем,
Сочиняя для них злую Русскую Правду,
Злую Русскую Правду о том и о сем.

И окурки шипели, как будто поэты,
Как поэты-эстеты из литмастерской...
Я стоял и курил, и ветшали заветы,
И крошились миры над моею башкой.

ПРОСНИСЬ И ПОЙ

Как будто на классической картине,
Небритый, вдохновенный и седой,
В густом дыму, в раздолбанной квартире
Проснись и пой.

Пригладь вихры, держи прямее спину,
От снов не забывайся ни на миг,
Плачь, но учи, пророк, свою судьбину
От сих до сих.

О том, что смерть – не повод не работать,
Тебе напомнит черный черновик.
Прочтя с него всю умственную рвоту,
Замрешь на миг.

Захочешь бросить все к едреной фене,
Удрать с небес куда-нибудь в тайгу,
Стрелять в волков, пасти своих оленей,
Спать на снегу.

Но муза, непутевая подруга,
Тебе закажет музыку не ту –
Не выходя из колдовского круга,
Бдеть на посту.

От звука медных труб ты содрогнешься,
Но вновь впряжешься в старые труды,
Воскреснешь, вновь умрешь и улыбнешься
Под вой трубы.

На жизнь за гробом, рыцарь, не надейся –
Пророк, алкаш, живой иль неживой,
Встань и иди, лентяй, умри и смейся,
Проснись и пой.

БУРЯ В СТАКАНЕ

В самом центре уставшей расти неученой вселенной
На столе одиноко скучает граненый стакан.
Полупуст, полуполон, прозрачен, как эта строка,
Он обводит серебряным взором картонные стены.

За окном безымянно висит пустотелое небо,
Заменяя распятые системою координат.
У бессильных деревьев в садах обнажаются нервы,
И скелеты трамваев на рельсах загробно звенят.

Проезда пролетают, обугленных шпал не касаясь,
И уносятся в неимоверный трагический дым,
Где курлычет над каменной роццей железная стая
И мой прадед беседует с правнуком (тоже моим).

За окном пролетают от глаз отделенные взгляды,
Но стакан им не сдвинуть и мертвой воды не хлебнуть.
Расширенье вселенной грозит нашей плоти распадом,
И игрушечный бог не заплачет в бумажном хлеву.

Но стакан-истукан изолирован от потрясений,
Он любовно прикручен болтами к родному столу.
В тонких гранях стакана белесые мечутся тени.
Стол уходит корнями в подземную теплую мглу.

И напрасно в стакане буянит граненое время,
Зря стакан создает в себе бурю и жаждет беды, –
Он спокоен, как смерть, в силу внутренней бури не веря,
Изощряясь в искусстве огранки бессмертной воды.

Видно, было все зря – наша вера, любовь и старанье.
Поединок добра и любви завершится ничьей,
Протрубит Гавриил, и закончится буря в стакане,
И слепая вселенная снова сужаться начнет.

ОСЕННЯЯ КАКОФОНΙΑ

Перелистнув осенний календарь,
Я выхожу в озябшее пространство.
Я молчалив и горд, как нищий царь.
Я венчан с осенью – и царственно, как встарь,
Ее багрово-серое убранство.

Сегодня ночь стоит четвертый день
И становиться вечностью не хочет.
Мистическая вдумчивая лень
Неспешно выколдовывает тень
Из черно-серой раковины ночи.

День отражен в ночи, как легкий блик.
Любое зеркало – в конечном счете рама.
Но в этом – мой прославленный двойник
Скрывает строгий паутинный лик
В холодных нефах звукового храма.

Паук, пророк, прославленный слепец,
Тень и мишень, сновидец и творец,
В незримом отраженная страница!
В твоем начале скрытан твой конец,
Но это все пока мне только снится.

Быть выдумкой при жизни – тяжкий крест,
Но только миф способен править миром,
И нет желанья к перемене мест.
Я буду сном, пока не надоест,
Как в те года, когда я был Шекспиром.

А время переписывает сны,
Врисовывая в лица, как в страницы,
Узоры милосердной тишины,
Перед которой все века равны.
Гомер, Шекспир... Да что там мелочиться!

Но это решено – я остаюсь.
Я прорасту в бесплотный холод сада,
В зеркальность рифмы, в шевеленье уст,
Терпеть и ждать, читая наизусть
Прощанье, запрещающее грусть
В пространстве замерзающего взгляда.

Да. Так сложились обстоятельства —
Играя в жизни, как на сцене,
Мы приучаемся к предательству,
Мы приучаемся к измене.

События отмечая вешками,
При встрече, чтоб все было гладко,
Приветствуем друг друга вежливо,
Все помним и молчим о главном.

Так было нужно нам, наверное,
Чтоб в трудный час светло и нежно
Любовью, болью и надеждами
В нас вспыхнуло слепое небо.

И так же нужно было в точности,
Чтоб вечность пронеслась без цели,
И встретились два одиночества,
И стали целым, и сгорели.

Все объяснимо — боль, предательство...
Все послано судьбой иль Богом.
Вину смягчают обстоятельства,
Нисколько не смягчая боли.

Прости, родная, бестолковая,
Ни в чем невинная, простая.
Я говорю слова суровые,
А для чего — и сам не знаю.

Но все, что было с нами, — было ли?
Откуда в сердце боль и стылость?
Кто виноват? Не знаю, милая.
Никто. Так вышло, так случилось.

* * *

Безразличный, бескровный, бессмысленный свет,
Пышный траур осеннего дня –
Как веленье и зов, как приказ и завет
Для людей, для тебя, для меня.

Так, наверно, предписано Божьей рукой –
Привечать расставание людей
Серым пристальным небом, свинцовой рекой
И молчаньем пустых площадей.

Но, движения времени не торопя,
Я смотрю в безразличную высь –
Отпускаю тебя, провожаю тебя
И предчувствую новую жизнь.

И пустеет ведущая к дому тропа,
И тревожно гудят поезда.
Провожая тебя, отпускаю тебя
Навсегда, навсегда, навсегда.

Ты предчувствуешь все, не поняв ничего,
Но – предчувствиям наперекор –
Отпускаеши ныне раба твоего
В безразличный, бескровный простор.

Но, пусть небо отравлено в нашем аду,
Боль в груди молчаливо терпя,
Я дышу этим небом, надеюсь и жду –
Для тебя, для тебя, для тебя.

И ответит Господь на призыв и мольбу
Тусклым светом осеннего дня,
Обещая возврат и иную судьбу
Для меня, для меня, для меня.

Прости меня. Мне плохо без тебя.
Когда-то вместе нас свела тропа –
Зачем, я до конца не понимаю.
Я знаю, что мы разные – и пусть!
Нам на двоих одна досталась грусть –
Жестокая, упрямая, прямая.

Когда мы врозь, нам тяжелей вдвойне.
Все чаще обжигают память мне
Меж наших кратких встреч наедине
Пустые, бессердечные недели –
И нами разделяемые сны,
Мгновения полночной тишины
И беглый луч танцующей луны,
Рисующий узор на нежном теле.

Прости меня, но я тебя хочу.
Я не ревную к лунному лучу,
Мне больно – с кем сейчас ты одинока?
Ты помнишь обо мне, но не поймешь,
Что боль у нас одна, и дрожь, и ложь,
И невниманье к жизненным урокам.

Бывает, жизнь сближает нам сердца,
Велит отдать друг другу до конца
Остатки нерастраченного пыла...
Мне непонятно многое в тебе,
Но общим одиночеством в толпе
Нас строгая судьба соединила.

* * *

Ты лишила меня всего, любимая:

и той большой осени,
в пространстве которой
ты была цветным зонтиком под серым небом;

и сердца моего, подаренного тебе на память
и на твоей груди
в потайном кармашке
оставшегося;

и сына, что смотрел на меня из глаз твоих,
печалась, что ему не быть зачатым —
не то что рожденным.

Ты лишила меня всего, любимая.

Но долго, долго, долго
по степи памяти моей кочует твоя улыбка...

СТРАСТИ-МОРДАСТИ

Д.Щ.

Все просто, sher ami. Все сливки скисли.
Весна прошла, зови иль не зови...
Лишь дрожью по спине проходят мысли
О той, о неподдельной, о любви.

Наш разговор все длится, длится, длится,
Хоть между нами целый мир лежит.
В дорожной сумке у меня пылится
Билет в твою непрожитую жизнь.

Ты выбрала неверную дорогу:
Спаслась, сдалась, сбежала от огня.
Иди, иди, иди... поближе к Богу,
Но только дальше, дальше от меня.

Твоя судьба глупа... моя — тем паче.
Я глупо втянут в грязную игру.
Я неприкаян, грязен, я — истрачен,
Я — выпит, как глоток воды в жару.

Во мне живет любви огромный голод.
Когда-нибудь, рыдая, во хмелю,
Срывая напрочь свой осипший голос,
Я крикну в трубку: «Дура, я — люблю!»

...Да, я умею ждать. Но жизнь упряма.
Несбывшееся — не похоронить.
И мы сто раз сыграем ту же драму,
И ничего не сможем изменить.

Стандартный неприкаянный рассвет
Встает по расписанью, без примет,
Не обещает счастья и не просит.
И хочется проснуться навсегда,
Во двор промозглый выйти из себя
И крикнуть в наступающую осень –

Так крикнуть, чтоб над хлябью без границ
В ветвях металась путаница птиц
И небо птичьей смутой было смято.
В глухой простор лить слезы в три ручья,
Тысячеглавым криком воронья
Врываясь в обезжиренную слякоть:

– Прости меня, Ваятель снов, прости,
Творец осенней серой пестроты.
Я сломан, я почти достиг предела.
Я глупо втянут в грязную игру,
Я выпит, как глоток воды в жару.
Душа моя, сего ли восхотела?

Крик прорастает в сумрачный простор,
И бесконечным делается двор,
Колодец, врытый в небо грозное,
И видит в серой склоке облаков
Туман былых и будущих веков,
И приближенье новых ледников,
И жаждет бури, и не ждет покоя.

И, улета, видит двор, меня,
Мир, ожидающий осеннего огня,
В безвольных тучах спутанные нервы,
И за чертой последнею, вдали –
Течение рек, морей, тайги, земли,
Впадающих в конечном счете в небо.

* * *

Снова ветер свищет в чистом поле
На широкой воле,
Но о том, как много в этом боли,
Не учили в школе.

Скоро лето все разметет в клочья,
Грохоча-пророча.
Никого и ни о чем не спросит,
Обратится в осень.

По картине, по планете нашей
Снова кисть запляшет:
Пятна, всплески – желтым, алым, белым –
Яростно и смело.

Я стою среди равнины голой,
Нищий, злой, веселый,
И смотрю в глаза пустого неба
Напряженно-слепо.

Надо мной кружится в небе ясном
Солнце, словно ястреб.
Смотрит зорким, смотрит ярым оком
Далеко-далеко.

«вы о чем, пророки и предтечи,
Нам толкали речи?
И кому помалу-понемногу
Выстлали дорогу?

На крестах и на кострах кричали,
Верили-искали.
Но не понял, что за бог вас создал,
Ни один апостол.

Скоро осень облачится новым
Траурным покровом,
Беспощадно и неотвратимо
Обратится в зиму.

Что ты пригорюнился, что плачешь,
Рыцарь неудачи?
Не ищи побед, не бойся боя,
Рыцарь непокоя.

Не один ты на Руси не воин,
Так что будь спокоен –
И тебе найдется в чистом поле
И земли, и воли».

Я один в пустой степи маячу,
Рыцарь неудачи.
От небес путей своих не скрою,
Рыцарь непокоя.

Не сдаюсь, не плачу, стиснув зубы,
Огрызаюсь грубо
И гляжу безвыходно и слепо
В каменное небо.

Снег опускается медленно, словно прощенье,
Словно бескрылые белые буквы простора,
Словно озябшие, ставшие буквами души,
Словно остекленевшее пламя признаний.
Звуки молитв неслышанных падают с неба,
Белым курсивом, надломленным снежным петитом
В вычурном небе, на дымчатых сонных страницах
Неторопливо выводят свои арабески.
Действует точно механика строгого лимба –
Память уступ на уступ громоздит молчаливо,
Девять кругов неуживчивых воспоминаний
Вновь призывают примерить былые ошибки
И одиноко бродить по аллее, где в небе
Белое пламя смеется над серою скукой.
Пляшут деревья под ветром, ломаются ветви,
Красно-красные их стоны и красноречивы,
Только в конце красных жалоб и черных признаний
Снова и снова безмолвствует белая точка.
Души застыли в бессмертии, как в формалине,
Дымчатый лед смотрит с неба спокойно и сонно,
И извиваются реки чернильного яда,
И лаконичен о будущем шепчущий пепел,
И молчаливы надменные серые камни.
Души блуждают во мне, не опознаны мною,
Что-то промчалось во мне, зазвучало, запело,
Что-то прошло сквозь меня, чье-то сердце забилось
В тусклом пространстве моем – я почти оживаю,
Но неотзывчив простор равнодушный, и только
Снег опускается с неба, как горькая память.

Этой серой зимы беспокойная проза
Мерзлотой застывает в крови.
Расскажи, как все просто, безвыходно просто,
Опиши все как есть, ни криви:

Остановку, толпу у дверей магазина,
Маски, шарфы и воротники,
Резь в глазах, горечь в сердце, слезу без причины,
Переломы судьбы и строки,

Давку в тесном автобусе, взгляды пустые,
Крики, ругань, шипение шин...
Я учусь видеть серость вокруг, как впервые,
Жить учусь без тебя – без души.

Как молитву, твержу три свои главных слова,
Все поняв, все простив, все терпя,
Но, как будто предчувствуя, снова и снова,
Вспоминая, теряю тебя.

Только чувствую: если в груди потемнело,
Боль вздымается, сердце тесня,
Значит, словно душа – ей сожженное тело,
Ты сейчас вспоминаешь меня...

Все чернее надежда, и дни все суровей.
Как в аду, как в бреду, как во сне,
Вырываю из сердца с ошметками крови
И бросаю в растоптанный снег

Боль, с которой в молитве вздымаются руки
В мертвый холод египетской тьмы...
И сильнее, чем страсть, и чернее разлуки
Дрожь почти что загробной зимы.

Как жестока надежда и мстительна вера,
Но на *это* мы обречены, –
На любовь, что стоит, как последняя вежа,
На пути к всесожжению весны.

КОСТЕР

Костер в тумане светит,
Огонь до туч встает.
Никто в ночи не встретит,
Никто не отпоет.
Так холодно на сердце,
Так пуст ночной простор...
И, только чтоб согреться,
Восходишь на костер.

Мучительно свободна,
То каюсь, то греша,
Как наша плоть бесплотна,
Как тяжела душа.
И снова, снова, снова
По мстительной тропе
Меня влечет сурово
К тебе, к тебе, к тебе.

Струна звенит в тумане,
Костер дымит в снегу.
Горю легко и странно –
Согреться не могу.
И вижу, как над нами
В прозрачной тьме летит
Сиреневое пламя
Обманов и обид.

Ночь новой жертвы просит,
Жжет снежная постель
И пепел мой разносит
Горячая метель.
Как страшно, ярко, быстро,
Срываясь в пустоту,
Во мраке пляшут искры
И гаснут на лету.

ЖИЛИ-БЫЛИ

Жили-были, ели, пили,
Верили в любовь.
Из картона шили крылья.
Проливали кровь.
Расставались и встречались,
Мучились сполна.
Счастья истребили завязь...
Дальше — тишина.

Побеждали. Пропадали.
Падали с небес.
В смене радостей-печалей
Жизни смысл исчез.
Ну, и что ж, — так даже лучше,
Пей, дружок, до дна!
Вдруг — во тьму взглянули с кручи...
Дальше — тишина.

Волновались, ошибались,
Чиркали стихи.
При своей беде остались,
А к чужой — глухи.
Вновь зовут остатки пыла,
Вновь пришла весна...
Жизни нет. Любовь остыла.
Дальше — тишина.

...Быть может, так и нужно – в горький миг
Припомнить детство, снова стать ребенком,
Шептать молитвы голосом негромким,
Не ведая учености и книг?

Я позабыл все то, что прежде знал,
Я помню лишь дорогу сквозь метели
От дома – к школе... и густые ели,
И ветер, острый, твердый, как металл.

...И я пойду по снегу января,
Как первоклашка, в стареньком пальтишке,
Опять, туда, туда, где свет, заря,
Где школа ждет... Но поздно, поздно слишком

Я вышел в путь, расстался я с теплом,
И снег метет, и ветер режет щеки...
Как тяжелы, Господь, твои уроки,
Как горек хлеб и как непрочен дом!

И Смерть меня потреплет по щеке,
Как будто мама, и возьмет за ручку,
И я за ней пойду, ведь это лучше,
Чем мерзнуть от родимых вдалеке.

А все тропинки снегом замело.
И мы идем сквозь вьюгу пустырями.
И к Смерти я прижмусь, как будто к маме,
Чтоб вновь родное ощутить тепло...

МОМЕНТ ИСТИНЫ

Серый город. Поздний час.
Желтизна угрюмых стен.
Сухость близоруких глаз.
Синева припухших вен.

Это странно — невпопад,
В сумерках пустого дня
Явственно увидеть ад,
Окружающий меня,

Спешку, пляску на костях,
Ловлю денег и людей,
Сладострастный пошлый страх,
Фальшь и ложь больших идей,

Слезы, сопли, боль и грязь,
Чью-то жизнь в своей горсти,
И вздохнуть, не горячась,
И плечами повести.

Вспомнить все и все понять,
Посмотреть на плоский свод,
И вздохнуть, и замолчать,
И без слов шагнуть вперед.

Посредине пустоты
Торжествуй, живи, умри,
Но о том, как умер ты,
Никому не говори.

Только кашель в злой кулак,
Только сдержанный смешок.
Пусть танцует серый страх,
В нас живущий юркий бог.

Тише, тише, тишина, —
Ты не тот, не та вина,
Эта вечная война
Не для нас одних страшна.

Нет ни истин, ни красот, —
Есть лишь трезвый, горький взгляд
И последний шаг вперед,
В коем ты не виноват.

Кончились детские игры.
Племя бродяг разбрелось.
Кто-то из памяти выкрал
Прежнюю дерзость и злость.

Только в мозгу все лучится,
Светит экраном окно...
Вроде б должно завершиться
Странное это кино:

Школа, дворы, пионеры,
Запах покрашенных парт,
Скверные песни по скверам,
Пиво, любовь и азарт...

...Небо темно, как болото,
Грязно, темно и мертво.
Хочется высечь кого-то,
Только не знаешь, кого.

Магнитофон крикнет старый:
«Стоп, подымайся, пора!» —
Но не ответит гитарой
Темный колодец двора.

Мозг без любви обесточен.
Племя певцов разбрелось.
Мы еще верим, но — молча,
Слушаем песни, но — врозь.

...Кончились детские игры.
Хрип вместо сердца в груди.
Кто нас из юности выкрал —
Нынче попробуй найди.

Нет ни иллюзий, ни позы.
Сладкая ложь нам смешна.
Только за детские слезы
Боги ответят сполна.

РУБАИ

* * *

Жизнь — вкус вина и пенье соловья,
И запах роз, и беглый плеск ручья...
«А что зимой?» Горячий снег и звезды,
И боль, и страсть последняя твоя...

* * *

Там, во дворцах небесных, наверху,
Вино и пальмы — чтоб прогнать тоску,
А здесь — жара, и жажда, и в пустыне
Шаги по раскаленному песку...

* * *

Спустилась ночь на раскаленный сад,
В безбрежной тьме наивный тонет взгляд,
Стой и молчи, благоговейно глядя,
Как звезды сквозь тебя во тьму летят...

* * *

Все счастье жизни вместе собери,
И, если наберешь минуты три
Блаженства, не пропитанного скорбью, —
То смело небеса благодари.

* * *

И я, как все, когда-нибудь умру,
Став топливом вселенскому костру,
А искры так же будут веселиться,
Плясать на обжигающем ветру.

* * *

Любя, будь счастлив, не считай минут,
Но предвкушай, как праздник, страшный суд,
Когда целуешь губы, что когда-то
Свой приговор тебе произнесут.

* * *

Ликуй, пока земная плоть жива!
Пусть во хмелю кружится голова...
В миг смерти — для всего найдутся сами
Правдивые и страшные слова.

* * *

Молюсь Аллаху, Кришне и Христу,
Но, лишь в вине найдя свою мечту,
Идя домой из кабака, качаюсь
И опираюсь вновь — на пустоту.

* * *

Мгновенье жизни сделай веселей
И, смерти глядя в очи, пой и пей!
Бессмертие нам было б не по силам,
И ты о нем, счастливец, не жалея.

* * *

Разлук и встреч нелепый, длинный ряд,
Лжи и тщеславья пестрый маскарад —
Мы совершаем сто столетий кряду
Бесмысленный, но сладкий нам обряд.

* * *

Добро и зло, коварство и любовь —
Купи товар, купец, мошну готовь!
Старье, что праотцам еще постыло,
мы продаем и покупаем вновь.

* * *

Судьба хитра, по рангам нас деля,
Но трудно всем — от слуг до короля.
А равными нас сделает когда-то
Для всех гостеприимная земля.

* * *

Стоим, держась за руки, я и ты
У страшного порога темноты.
А на пороге — пыль иных столетий.
И у ступеней шелестят цветы...

* * *

Живя, смотри на все издалека —
На вечность звезд и краткий век цветка.
Но пусть в твоей груди всегда таится
Жар тлеющего в пепле уголька.

* * *

Вино играет, в бочках налито,
Беседой нежной сердце занято,
Шумят пиры, взлетают к звездам кубки,
И ласково глядит с небес Ничто.

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР

СОНЕТЫ

Перевод Андрея Козырева

Сонет 50

Какая горечь проникает в грудь,
Когда, в пути вдыхая пыль и дым,
Я думаю: безмерно долгий путь
Лег между мной и счастьем моим.

Едва шагает конь усталый мой,
Забыв, как прежде мчал к тебе меня, —
Он понял: путь закрыт к душе родной,
И незачем мне торопить коня.

Но иногда кровь бросится в виски —
Я шпорами коня вперед гоню...
Но мне больнее от моей тоски,
Чем от ударов — бедному коню.

И, сколько вдаль с надеждой не гляди,
Там — только боль, а счастье — позади.

Сонет 66

Измучившись от этого всего,
Я часто даже смерти был бы рад.
Каков сей мир, где подлецам тепло,
А тем, кто честь хранит, — не счесть утрат,

Мир, где от правды вера отреклась,
Где толстосум продажной славой горд,
Где целомудрие втоптали в грязь,
Где власть хрома, как нищий или черт,

Где выгодой зажат искусству рот,
Где бездарь поучает мудрецов,
Где тот умней, кто вычурней соврет,
Где с кулаков добра стекает кровь!

И сколько раз шептал я: не стерплю...
Но мрази этот мир не уступлю.

Сонет 73

Во мне ты видишь тот осенний день,
Когда последний лист дрожит едва
На черной ветке, хрупкой, словно тень,
И в тусклом небе птичья песнь мертва.

Во мне ты видишь вечер поздний тот,
Когда закат беспомощно угас
И безнадежный плоский небосвод
Второю смертью – тьмой отъят у глаз.

Во мне ты видишь тусклый уголек,
Что гаснет в пепле отпылавших лет.
Все, что считал я жизнью, сделал Бог
Мне смертным ложем... Грусть моя, мой свет,

Ты видишь все, что делает сильней
Любовь твою к живой душе моей.

Сонет 74

Когда меня под стражу смерть возьмет,
Не принимая взятков и залогов,
Не памятник мне имя сбережет,
А белый лист, покрытый вязью строгой.

Раскрой мой том, прочти мою весну,
Любовь, не побежденную судьбою.
Земле земное – прах мой – я верну,
Но дух навек останется с тобою.

Моя душа – одно с душой твоей.
Пусть ненасытной смерти достается
Та жертва тлена, пища для червей,
Что бранным телом у людей зовется!

Ей – тело, что на смерть обречено,
Тебе – бессмертье, что в словах дано!

Сонет 77

Вам седину, как серебро на черни,
Покажет неподкупное стекло,
Но возразит сонет, советчик верный:
Не все, что было в жизни, отцвело.

И взор прочтет в зеркальном отраженье,
Как строчками морщин на лоб легли
Сомненья, откровенья и прозренья
Тех дней, что тихо в вечность утекли.

Чернильной вязью, словно волей мага,
Вы создадите мир из пустоты;
Возьмет могила, но вернет бумага
Родных людей заветные черты,

Ведь очень часто скромные слова
Таят все то, чем в нас душа жива!

Сонет 90

И если ты предашь меня, мой друг,
Когда наш страшный мир объят пожаром,
Будь первой из моих сердечных мук,
Но не последним – самым злым – ударом!

Не умножай числа моих невзгод,
Не умножай тоски моей надсадной.
Пусть после бурной ночи не придет
Рассвет – дождливый, горький, безотрадный!

Предай. Возненавидь. Не жди, когда
Меня ослабят мелкие потери, –
Предай сейчас! Последняя беда
Страшней всех прежних. Знаю, помню, верю:

Все боли света меркнут рядом с ней –
С бедой лишиться нежности твоей.

Сонет 93

Так. Буду жить, признав, что ты верна мне,
Наперекор всем слухам всей Земли.
Глаза смеются, сердце – тверже камня.
Лицо твое со мной, душа – вдали.

Во взоре у тебя я не узнаю
Ни злобы, ни следов житейских драм.
В глазах у многих судьбы я читаю
По временам оставленным следам,

Но ты – иная. Так угодно Богу:
Чиста, не лжива двойственность твоя.
Когда твоя душа сулит тревогу,
Глаза мне дарят сладость бытия.

Все так. В раю был краше всех красот
Укрывшийся в листе запретный плод.

Сонет 98

Та страшная весна нас разлучила...
Царил апрель над грешною Землей.
В ночи, смеясь над нашим глупым пылом,
Сатурн свершал тяжелый танец свой.

Ни голос птиц, влюбленный и безгрешный,
Ни краски распустившихся цветов
Не помогли родиться сказке внешней.
Я был им чужд, печален и суров.

Ни чистота невинных белых лилий,
Ни первых роз пылающая кровь
Моей душе, напомнив, не затмили
Твоей слезы, твоих прощальных слов,

Ведь я – зима, а блеск весенних дней –
Лишь тень от тени дорогой твоей.

ТЕОДОР АГРИППА Д'ОБИНЬЕ
СОНЕТЫ ИЗ КНИГИ «ГЕКАТОМБА ДИАНЕ»

Перевод Андрея Козырева

Сонет 14

Я видел это: умирал солдат;
Выл, проклинал и скрежетал зубами,
Хрипя, беспомощно вращал глазами –
Я не забуду этот страшный взгляд.

Он нас просил добить его, наш брат!
Но был оставлен уходящими полками
Ни мертвым, ни живым, дрожащими руками
Прижав к груди от крови красный плат.

Любовь моя не злее этой раны,
Но точно так же у моей Дианы
Нет сил, чтоб правде посмотреть в глаза.

Жестокая, прекрасная, родная!
Тех, кто тобою поражен, я знаю,
Ни умертвить, ни исцелить нельзя.

Сонет 89

Диана, твой обычай – разрушать,
Рвать на куски, сжигая, разоряя,
Даря любовь и с ней – надежд лишая,
Но заставляя мыслить и страдать,

Как от груди, от ласки отлучать,
Мой пыл разлукою воспламеняя,
Как славу, боль мою благословляя –
Жестокая, скупая благодать!

Ты жжешь мои стихи, шепча: «Гори,
Любовь моя, гори, но не умри –
Один ты равен мне, чужой, но милый».

Ты знаешь все, не зная ничего,
И вновь и вновь ты шлешь в огонь того,
Кто наделил тебя бессмертием постылым.

Сонет 100

На строгий суд любви, на главный суд,
Обутленным кровоточащим комом
Мое живое сердце принесут –
То, что всю жизнь к одной тебе влекомо.

Где отпущенье праведным дают,
Оно, несчастное, поведает без стона
Всю боль любви и слепоту истомы,
В ответчицы – тебя же призовут.

Ты скажешь: это не моя вина,
Проказница Венера – все она...
Винить богов – нехитрая наука!

Но смертный жар сама ты разожгла,
И пусть Амур пустил стрелу из лука,
Но эти брови – лук, а взор – стрела!

Из сонетов, не вошедших в книгу

Полночный час, открытый, словно рана!
Он судорогой грома разбудил
Меня; на брачном ложе я без сил
Рыдал – мне снова вспомнилась Диана.

Как яростен мой стон надгробный был!
Жена рыдала рядом, сжав мне длани:
«Дианы нет. Иль мы не христиане,
Чтоб мертвых извлекать из их могил?»

А эта ночь – твоя, твой мир, твой миг.
Ее ли ласки горячей моих?
Она – в гробу, а я – в твоей постели».

«Нет, ночь Дианы – день, и это знаешь ты,
Когда и мертвая влечет мои мечты,
Когда и к мертвой ты ревнуешь, в самом деле».

■ Лиц Будного сына

ЯСНОСТЬ

ДОРОГА УХОДИТ ВДАЛЬ

Я сижу у окна.
День заснежен и пуст.
Рассеянная тишина –
Вместо мыслей и чувств.

Я сижу у окна,
Слушаю тишину.
Вместо труда и сна –
Снег, куда ни взгляну.

Бормочет вдали вокзал.
Всхрапывают поезда.
Тот, кто никем не стал,
Волен плыть в никуда,

Против течения лиц,
Против течения спин –
Властителем небылиц,
Снежных бурь и равнин.

Город жесток и слеп.
За ним – шаманят снега,
Спит буддийская степь,
Заснеженная тайга,

Вечная мерзлота,
Белый густой туман
И сквозь оковы льда
Дышащий океан –

Они не велят беречь
Пожатых друзьями рук,
Идти мимо светлых встреч
И священных разлук.

Время разводит нас.
Дорога уходит вдаль.
Пусть в заповедный час
Сердце сожмет печаль.

Несбывшегося не жаль,
Ведь, кому ни молишь, –
Дорога уходит вдаль.
Дорога уводит ввысь.

Многое не сбылось,
Только не пуст наш путь –
Будет задор и злость,
Будет что проклянуть.

Свет обратится в снег,
Останется в нём одно
Видимое во сне
Сияющее окно.

Будет с глазного дна
Рваться свеча, шепча.
Кровь моя холодна.
Злость моя горяча.

Только иллюзий нет –
Нет целей, но есть пути.
Свет превратился в снег.
Дорога велит идти.

* * *

Солнце летит по вселенскому кругу
Круг совершает Земля.
Странник идет по просторам сквозь вьюгу.
Снег замечает поля.

Странник идет шаг за шагом упорно,
Ветер в лицо ему бьет...
Все мы падем в эту землю, как зерна,
Все, — лишь настанет черед.

Но в одиноких заснеженных кельях
Свечи чуть видно горят,
Есть в сердце горе, но есть и веселье,
Есть где-то рай, где-то — ад.

Строки выводит перо в пальцах тонких,
Пишет: «Пора, друг, пора!»...
Все человечество — предки, потомки —
Каплей слетает с пера.

В капле чернил — целый мир, и отвага
В нем поселилась навек...
Только перо вновь бредет по бумаге,
Как тихий странник — сквозь снег.

ПРОЧНОЕ В СМЕНАХ

Рябина на ветру,
Рабыня всем ветрам,
Скажи, когда умру,
Скажи, что будет там.

Рябина на ветру,
Рубин живой души,
Верши свою игру,
Пляши, пляши, пляши!

Листвы осенний пляс
Под собственный напев
Изобразит для нас
Наш страх, и боль, и гнев.

Упрямя, устал, угрюм,
Иду в тени ветвей,
Не вслушиваясь в шум
Глухой судьбы своей.

Лечу я без следа,
Как суетливый снег,
Из жизни — в никуда —
За так — за миг — навек.

Рябина на ветру,
В крови, в огне, в заре,
Учи меня добру,
Учи меня игре,

Учи, как без труда
Прорваться — в монолит,
Туда, туда, туда,
Где мрамор и гранит,

Где боги и быки,
Где век и бег минут
В мои черновики,
В словесный рай, войдут.

Не превратится в дым
Мой путь, мой след, мой труд,
Все в жизни, что моим
На сей земле зовут.

...Огонь листвы во мгле,
Отбушевав свой век,
Приблизился к земле
И тело опроверг.

Созвездье русских слов
За гранью жития
Мне обещает кров,
Где отдохну и я.

* * *

Рябина, снег и черная оградка...
Блеск солнечных лучей жесток и слеп...
Нам, алчущим, бывает так несладко
Усопшим приносить вино и хлеб.

Мы делимся с обретшими избыток
Покоя, безысходного стократ,
Даем им пить, не пробуя напиток,
Цвет, вкус вина и звонкий аромат.

Пройдя по бездне плотскими стопами,
Бессмертие растет сквозь нашу память
К земле листвой, корнями — к небесам.

Пусть корень тих, а крона говорлива,
Но то, чем мы в сей миг весенний живы,
У кроны взято, отдано корням.

.

БЕСЫ

Мчатся тучи, вьются тучи,
Пляшут быстрые лучи.
Небо бьется, как в падучей,
Звезды — как огни в печи.
Мчатся бесы, вьются бесы,
Пляшут, мечутся, плюют...
Сани по Руси небесной
Тело Пушкина везут.

Мимо площади Сенатской,
Мимо высей Машука
Мчится конь наш залихватский
Сквозь эпохи и века.
Буря мглою небо кроет,
Все дороги замело...
— Что вы, барин? — Бог с тобою!
Просто сердцу тяжело.

Громко цокот раздается,
Будто все кругом мертво...
Конь летит, бубенчик бьется
По-над холкою его...
— Скоро ль дом? — Не знаем сами!
— Ждут ли нас? — Должно быть, ждут!
Вечно по России сани
Тело Пушкина везут.

Гулко цокают копыта
По теченью наших спин...
И молчат, во тьме забыты,
Мертвый дом и Сахалин.
Вся земля дрожит от гула,
У коня горит зрачок...
Вон Астапово мелькнуло,
Знать, конец уж недалек...

Ни огня, ни слез, ни веры —
Крики, брань, кабацкий мрак...
Только возле «Англетера»
Спотыкнется вдруг рысак...
— Скоро ль, братец? — Недалечко!
Только выедем с земли...
Лишь мелькнет Вторая Речка
Там, за вечностью, вдали...

Больше нет на белом свете
Ни чудес, ни естества:
Наша жизнь — огонь да ветер,
Да слова, слова, слова!
Скачка, скачка без запинки,
Без кнутов, без шенкелей...
Пушкин... Легкая пушинка,
Что небес потяжелей!

— Ждут нас? — Барин, все в порядке!
Ждут покойнички гостей,
Все отдавши без остатку
Да раздевшись до костей.
Плачут, пьют, тревожат бога,
Огоньки в глазах горят...
Бесконечная дорога
В рай бежит сквозь самый ад!

И ни песенки, ни сказки...
Мчатся кони день за днем...
— Я устал от этой тряски...
Скоро ль, братец, отдохнем?
...Полузвери, полубоги,
Мчатся тени — их не счесть...
— Скоро ли конец дороге?
— Барин, не серчай! Бог весть!

ПИР КОРОЛЕЙ

Картина Павла Филонова. 1914 год.

Снова пируют в бесконечной кроваво-красной пещере
Без бессмысленных окон и ненужных дверей
Пьяные боги, принцессы и чудовища, человекозвери.
Пир королей.

Страны распластаны на осиновом столе перед ними,
Освежаванные, с приправами, чтобы было чуть-чуть острей.
Усопшие воины над дощатым столом проносятся в дыме.
Пир королей.

Короли едят человечину, вытирают губы мясистые:
Нравится им убойна, ибо сами они мертвы.
Короли за столом разлагаются, от всего человеческого чистые,
Вечно правы.

Камни над ними плачут, от отчаяния не излечатся, –
Доколе на камне и крови строить тысяча первый Рим?
Но авторитет вершителей судеб скучного человечества
Не-ос-по-рим.

Героические стада мчатся на убой с громкими песнями,
Побеждают и погибают, забываются в беге дней,
В раю воскресают и братаются с врагами, тоже воскресшими.
Пир королей.

Короли пьют кровь друг у друга, белые взгляды их бешены –
Кровь с привкусом ржавчины метафизически чуть хмельней.
Пир во время чумы, пир отравленных и повешенных –
Пир королей.

Им отслужены заупокойные, и анафемы спеты им,
Но по сей день живы они, многих живых живей,
И продолжается в аду адов, продолжается тысячелетия
Пир королей.

ЛЕДНИКОВЫЙ ПЕРИОД

Этот мир, округлый, скользкий, несомненно, стоит мессы,
Удержать его в ладони тщились тысячи царей,
Но у всех свои запросы, выкрутасы, интересы,
И из влажных пальцев шарик выскользает все скорей.

Неизбежная рутина, каждодневная морока
Заставляет человечков то звереть, то сатанеть.
Шестеренки наших судеб ускоряются жестоко,
Разрывая нас на строчки, не давая уцелеть.

Сколько рыцарей мгновенья, повелителей момента
Распрощались с римской славой — не осталось и следа.
Сонно ледники сползают по векам и континентам
И стирают с карты страны, и съедают города.

И не стыдно вам, вельможи, почивать на мягком ложе,
Если смерть от ожиренья вам не стоила труда,
Если жизнь за пышным гробом так на нашу на похожа, —
И не страшно вам, холопы, и не стыдно, господа?

Ледники ползут неспешно, поглощают наши души,
Лед и камень, лед и солнце — равнодушие и гнев.
И мохнатый мамонт бродит по покрытой льдами суше,
И готовится к охоте молодой пещерный лев.

Солнце стынет надо льдами, небо холодно-огромно,
Лес колышется до неба, волки воют, скачет конь,
И художник жадно пишет на стене пещеры темной
Скачку ланей и бизонов, стрелы, солнце и огонь.

КАМЕННАЯ БАБА

Судьбе-то и дела нет, сильный ты или слабый,
Хочешь не хочешь, воюй, волю свою волоки, терпи!
Величественно возвышается каменная баба
Среди выгоревшей, как небо, бескрайней степи.

Не победить, но выстоять. Быть живу, хоть бы убитым.
Каменная баба смотрит в неподкупную тьму...
Глаза ее неподвижны, ни слезы, ни улыбки,
Все вынесет, все вытерпит, не удивится уже ничему.

А степь молчит и колдует, курганы вдали дымятся,
Березовые колки прячутся, надвигается небосвод...
Глаза бабы открыты, но каменные сны ей снятся...
Время вспять потекло, а она, не шевелясь, идет вперед!

С выщербленной душой, обезбоженная, пустая,
Ты силой своей безликой с сотворения мира горда.
Какие печали ты на наш мир насылаешь,
На каменные заводы, на серые города?

Чем мы тебе обязаны? Войнами, мором, адом?
Вьется роями визгливыми вокруг нее комарье...
Чернеет баба каменная под черным пустым закатом,
Небо над нею, земля под ней, весь этот мир – ее.

Молчит она, не пошевелится, не всплакнет по старинке.
Стоит, смотрит спокойно в свою неподкупную тьму...
Глаза ее неподвижны. Ни искорки, ни слезинки.
Все вынесет, все вытерпит, не удивится уже ничему.

НИЧТО

Улица не шелохнется,
В небе — тихая луна.
Где-то шепот раздается.
Высь воздушная темна.
Все на свете непреложно,
Тихо, мирно и несложно,
Нами небо занято...
Вдруг — над нами раздробилось,
Разыгралось, раскатилось,
Зашумело, заискрилось
Многоликое Ничто.

Топчут ноги, брызжет хохот,
Но не видно ничего.
На пустой дороге — топот,
Сердце живо и мертво...
Обло, дико и стозевно,
И не нежно, и не гневно,
Чем-то высшим занято,
Многоруко, многоного,
По семи земным дорогам
Скачет гулкое Ничто.

Кличет, мается и ранит,
Рвет сердца, дробит мечты,
Манит, тянет и буянит
Пустота средь пустоты...
Ложь — прельстительная сила,
Жизнь полна, как решето.
Много нам судьба дарила,
Да не то, не то, не то!

Снова — тихая дорога...
Где-то огоньки горят,
Плачут, ждут, тревожат бога,
Все о чем-то говорят...
Ночь тиха. Не дышит ветер.
Ни за что мы не в ответе.
И прожить бы лет так сто...
Что за чудо — тишь на свете,
Только слышно, как к планете
Приближается Ничто.

БУРЯ МГЛОЮ

Буря мглою небо кроет,
Буря смотрит сотней глаз,
Снежные хоромы строит,
Разрушая их тотчас;
Домик наш в снегах затерян,
Осаждают нас века.
Мы — вдвоем, и путь наш — верен.
Хочешь? — вот моя рука.

То возносятся, то гаснут
В небе звездные миры;
Бездна нам разверзлась ясно,
В небесах горят костры;
Небо всполохами крася,
Мчится ввысь Полярная звезда;
Мир молчит, утрюм и ясен,
Словно в первый час Суда.

Я грядущего не знаю,
Ни пророчеств, ни причин...
Лучше помолчим, родная,
Посидим и помолчим.
Помолчим о самом главном,
О своем, о прожитом.
Вспомним, как жилось нам славно
В нашем космосе пустом.

День придет, — истлеет семя,
Брошенное нам в сердца,
Кончатся пространство, время,
Всех нас примет дом Отца.
Там друзей увидим лица,
Вечно полные тепла;
Там споешь ты, как синица
Тихо за морем жила.

Буря мглою небо кроет,
Буря смотрит сотней глаз,
Буря ад над нами строит,
Предначертанный для нас;
Домик наш в снегах затерян,
Но тепла твоя рука,
И наш путь угрюм и верен,
Как старинная строка.

СТИХИ В ДЕКАБРЕ

Фонари в фиолетовом мраке печально и слепо
Головами качали над узкой и хрусткой тропой,
Над окраиной сонно склонялось размытое небо,
И трамвай уходил по заржавленным рельсам в депо.

Все до боли привычно, все скучно, обычно и вечно —
Бомжевастый пейзаж миллионной из третьих столиц:
Гаражи серым рядом стояли, до туч, бесконечно,
Мусор, сваленный в кучи, глядел дружелюбно на птиц.

В серо-желтых домах, как в мозгу, занавески смыкались,
Желтый луч из окна ворошил небеса, как золу,
Тополя над пропащей судьбою маняще качались,
И огни магазинчика звали к вину и к теплу.

Заводских корпусов опустелые темные склепы
Вспоминали былое, раскинувшись вольно во сне.
...Пусть игра Демиурга в придуманный космос нелепа,
В этой выдумке есть что-то нежное, близкое мне.

По-кошачьи царапал обивку домов серый ветер,
И мерещилось мне, как блажному, слепому от слез,
Что над миром — над тленом и грязью — в серебряном свете
Возносился усталый от крови и славы Христос.

Если жалость осталась во мне, то осталась и вера,
И мне кажется, что-то о жизни понять я могу,
Горько пряча лицо в воротник от свободы и ветра,
Веря в Бога, как веруют в хлеб воробьи на снегу.

Проходя под огнем фонарей, как под сводами склепа,
Сквозь себя пропускал я потоки иного огня,
А с собой тайно нес в виде книжки карманное небо
И читал воробьям те стихи, что напишут меня.

СОЧЕЛЬНИК

Опускается занавес над недосмотренным сном.
В зале слышно молчанье господ и шушуканье черни.
Смутный год завершается. За хладнокровным окном –
Равнодушный сочельник.

Одичалый трамвай, дребезжа, ковыляет в депо,
К человеческим радостям, бедам и снам равнодушен.
Роем мчатся к витринам, жужжат, закупают добро,
Жесткокрылые души.

Голодающий кактус таращит глаза в уголке –
Мол, не я виноват, это жизнь сволочная такая.
И моя табуретка, набычившись, в грязный паркет
Снова корни пускает.

Я, счастливый Сизиф, одинокий жилец тесноты,
Шел по краю всю жизнь и теперь, обнаружившись в центре,
Говорю с мирозданием, веками и Богом на «ты»
В однокомнатной церкви.

Вижу бурю в пустыне, вертеп, пастухов и волхвов,
К новой эре истории мчащихся по бездорожью,
Чтоб украсить бессмыслицу – вечную тщетность всего –
Новой яркою ложью.

Я не верю в добро, но мне влом тиражировать ложь.
Просто гадко все то прославлять, что и высмеешь ты же.
И не хочешь болтать ни о чем, и молчишь, и живешь
Этой вдумчивой тишью.

Это кризис взросления, это такая судьба,
Это зрелая мудрость, и хренушки справишься с нею.
Надо просто уметь, молча перерастая себя,
Становиться сильнее.

Молодая луна над трубой вдохновенно слепа.
За окном дымный город лежит головою на блюде.
Я пытаюсь развеяться и, выходя из себя,
Выхожу неожиданно в люди.

А в людях веселей – все не так, все не там, все не те.
Небо снежным потоком весь лоск с человечества смыло.
Мне досталось в удел – в равнодушном квадратном Нигде
Обретение смысла.

Знать, такая судьба, – говорить в пустоту ни о чем,
Получая стабильные аплодисменты по роже,
Плакать клюквенной кровью и драться картонным мечом
На потеху прохожим.

Рождественский вечер в бессмертном снегу.
Скрип сосен в безмолвии окаменелом.
Записки нам пишет зима на бегу,
Но — белым на белом.

По снегу охотники хмуро бредут,
Вороны летят над долиной и домом...
Лет триста-четырееста не был я тут,
В посмертье знакомом.

Да, наш ледниковый период богат,
Наш космос на ценные льдинки расколот...
Серебряный иней, серебряный ад,
Серебряный холод.

Сюда я пришел из иной мерзлоты —
Бесстрастной, бесстрашной, бессмертной, бумажной...
Там к Богу я смел обращаться на «ты»,
Но это неважно.

А здесь все иное, — и тело, и дух,
Здесь людно, и шумно, и шубно, и дымно...
Серебряный бог с нами вежлив, но сух,
Но это — взаимно.

Наш тысяча первый заснеженный Рим
Полмира покрыл ледяной тишиною,
И неосязаем и неповторим
Покров надо мною.

Зима тишину нам сыграет без нот,
На поле опустятся снежные зерна,
И что-то готовится, кто-то грядет,
И небо просторно.

Морозней метели дыханье молвы,
Лежат, ожидая, бескрайние степи,
И медленно едут в пустыне волхвы,
И тихо в вертепе.

И, вторя бескрылой надежде земной,
Даря нам уверенность в близком спасенье,
Звезда загорается над тишиной
Последнего оледененья.

В ХРАМЕ

Храм, как колодец, тих и темен, —
Сосуд, воздетый над землей
В простор, что грозен и огромен,
Где плещет тьма — живой водой.
В мерцающем колодце нефа,
Где ходят волны полутьмы,
Мы черпаем любовь из неба —
Мы взяты у небес взаймы.
И тьма волнуется, как море,
Где раздробил себя Господь
На звезды в дремлющем просторе,
Чтоб сумрак плоти побороть.
В Твоей тиши душе просторно.
Там глубину находит взгляд,
Там сквозь меня растет упорно
Столений темный вертоград.

А рядом — нищие, калеки,
Юродства неувядающий цвет.
Осколок Божий в человеке
Сквозь плоть свой источает свет.
В неверном пламени огарков
Темнеют лица стариков,
Пророков, старцев, патриархов
Из ста колен, из тьмы веков.
Древнее Ноя, Авраама,
Древнее Авелевых стад —
Они от века люди храма,
Лишь ими град земной богат.
И, возносясь под самый купол,
Воздетых рук стоперстый куст,
Что Господа едва нащупал,
Пьет полумрак всей сотней уст.

Но — выше дня и выше ночи
Безмолвствуешь над Нами Ты,
Ты — сумерек нетленный зодчий,
Пастух вселенской темноты.
Твой дух под куполом витает,
Превыше человеческих троп,
И вещей сумрак возлагает
Свои ладони мне на лоб.

Как тяжело Твое прощенье,
Быть может, гнева тяжелей.
Но Ты — наш Царь, и Ты — Служенье,
Ты — кровь, Ты — плоть, и Ты — елей.
Ты — голубая вязь страницы,
Ты — тот псалом, что я пою.
Облек Ты ближе власяницы
И плоть мою, и суть мою.

Тебя я строю, словно птица —
Гнездо. Стою в Твоем строю.
И в людях, не смотря на лица,
Твой ток вселенский узнаю.

Ты, не уставший с неба литься
В немой простор моей страницы —
Господь! Прими мольбу мою.

БОГ

Лазоревый, зеленый и пурпурный,
Воздушный, снежный, звонкий, ручьевого,
Дождливо-знойный, безмятежно-бурный,
В рождение мертвый, в гибели живой,

Раздробленный, всецелый, всеединый,
Сияющий и темный, доброзлой,
Невидимый, пространный и глубинный,
Соборный, многолюдный, нежилей,

Звучащий, тихий, скрытный и открытый,
Безвестный шумно, тайно знаменитый,
Прииди к нам, минуя мрак дорог, —

Сферический, линейный, многомерный,
Правдиво лгущий и всецело верный,
Себя нашедший в нас ребенок-Бог!

У КАМИНА

Хотел ты жизнь познать сполна:
Вместить в себя явления сна,
И прорастанье зерна,
И дальний путь комет.
И вот — ты одинок, как Бог.
И дом твой пуст. И сон глубок.
В камине тлеет уголек
И дарит слабый свет.

Ты все познал, во все проник,
Ты так же мал, как и велик,
И твой предсмертный хриплый крик
Поэзией сочтут.
Все, что в душе твоей цвело,
Давно метелью замело,
Но где-то в мире есть тепло —
Там, где тебя не ждут.

Все кончилось, — любовь, тоска, —
Но бьется жилка у виска,
А цель, как прежде, далека.
В доме твоём темно.
Открой окно, вдохни простор, —
Ты с небом начинаешь спор,
А на столе, судьбе в укор,
Не хлеб и не вино.

Что было, то навек прошло.
Зло и добро, добро и зло
Влекут то в холод, то в тепло,
И вечна их печать.
И ветром ночи дышит грудь,
Но ты все ждешь кого-нибудь,
Чтоб дверь пошире распахнуть
И вместе путь начать.

К себе ты строг. И вот — итог:
Теперь ты одинок, как Бог.
Но все ж ты смог из вечных строк
Создать звучащий храм.
Но вдруг волненье стиснет грудь:
Твоей души коснулся чуть
Тот, кто последний вечный путь
Указывает нам.

ДНИ ВЕЛИКОГО ПОСТА

Небо – снежное на диво,
Улица пустым-пуста.
Тяжелы и молчаливы
Дни Великого Поста.

Дремлет небо в белой славе,
Непреклонна высота.
Смотришь ввысь – и видишь въяве
Свет Великого Поста.

Ложь всегда замысловата,
Только истина проста –
Есть вина и есть расплата,
Тишь Великого Поста.

Глянь в сердечные пещеры
И сомкни, сомкни уста!
Посвяти огранке веры
Дни Великого Поста.

Не смотри в окно в смятенье,
Не спеши, не жди вестей.
Пост – как мера пресечения
Всех страданий и страстей.

Воздух пуст... Нет в сердце крови...
Только тьма в груди густа –
Хватит, чтоб прожечь безмолвье
Дней Великого Поста.

Верно, беспримерными по силе
Были наши деды и отцы –
Воевали, верили, любили,
Возводили храмы и дворцы.

Под рыданье голубой метели
На просторах сумрачной земли
Враждовали, плакали и пели,
Песни и предания плели.

Не успев достичь победы, храбро
Начинали вновь неравный спор.
Мир горел, но поднимались храмы
В белый, снегом дышащий простор.

Только с неба, словно песни птичьей,
Ждали мы ответа на призыв.
Но простор так бел и безразличен,
Так безблагодатно молчалив.

Кажется, вот-вот иссякнут силы,
Кажется, вот-вот дойдем до дна...
Но в России есть еще Россия,
А внутри нее – еще одна.

Русь обильна, только нет порядка
В злоключеньях мира и войны:
В каждой тайне – новая загадка,
И ответы больше не нужны.

И вовек, ломая ум бессильно,
Не поймет заезжий лицедей,
Что одна душа есть у России,
А разгадки вовсе нет у ней.

ФЕВРАЛЬ

Просторный, ветреный февраль.
Пусто.
Нагие ветви разрывают даль
С хрустом.
Февральский ветер возмущен,
Резок.
И небо серо, словно фон
Фресок.

В маршрутке на крутом холме трясет –
Тошно.
За поворотом новый поворот
Сложный.
Как будто кадры мчатся за окном,
Снимки –
Холмы, кусты, овраги, бурелом
В дымке.

Окраинный пейзаж привычно груб,
Пестрый.
Земля как будто превратилась в куб
Острый.
Угластым придавил меня ребром
Космос,
Ломая мне своим добром и злом
Кости.

Как нервы пустоты, оголены
Клены.
И все в моем предместье до весны
Сонно.
Но запах снега, проникая в сны,
Ночью
Щекочет, будоражит и пьянит
Ноздри.

Как все же просто открывался ты,
Ларчик.
Здесь с каждым днем дыханье пустоты
Жарче.
Не выходи из комнаты, молчи,
Маясь,
И слушай, как в твоих ушах звучит
Хаос.

Ложится под ноги февральская земля.
Грязно.
Броди по городу, губами шевеля,
Праздно.
Броди, запоминай свою страну
Серой.
Но в будущую синюю весну –
Веруй.

ПРЕДСКАЗАНИЕ

...Будет все, как теперь, как сейчас,
Только небо чуть-чуть потемнеет,
И туман в глубине наших глаз
Вдруг последней утратой повеет.

Обагрится небесная даль,
И запрутся дощатые двери,
И увянет цветущий миндаль,
И смешаются люди и звери.

Будут крики, и споры, и злость...
Утро будет глухое, сырое...
Будет ныть сокрушенная кость,
Будоража, будя, беспокоя...

А потом — мир надолго замрет.
Тишина. Немота. Безучастье...
И предательски быстро уйдет
Обманувшее странников счастье.

Разомкнутся сухие уста,
Тело рухнет в потемки глухие,
И ладонь отпадет от креста,
И народ отпадет от Мессии.

В синем взоре засветится мрак,
И блудницы станцуют во храме,
И ладони сожмутся в кулак —
Те, что были пробиты гвоздями.

ОДА ПРО СВОБОДУ

Зинаиде Миркиной

Я знаю эту тайную свободу —
Свободу выбирать себе пути,
Соваться в воду, не ища в ней броду,
И по воде, как посуху, идти.

Свободствуя, я вижу чудо всюду.
В себе найду смычок я и струну.
Я накоплю свободу, как валюту,
Как золото, намытое в плену.

Свободы верной золотые слитки —
Свобожества магический кристалл...
Попытки овладеть им хуже пытки,
В которой люди гибнут за металл.

Но есть одна неявная свобода,
Не знающая формул и имен, —
Свобода голубого небосвода,
Свобода верить в Чудо, как в Закон.

Свободе мы научимся у хлеба,
У птицы, что свободствуется сейчас.
Свобода — третий глаз, восьмое небо,
Шестое чувство, выросшее в нас.

Есть в человеке тайная дорога,
Путь сквозь себя, сквозь рабство, боль и страх, —
Свобода на кресте молиться Богу
И — воскресать с улыбкой на устах.

ЯСНОСТЬ

Весна нас ждет. Холодный и туманный,
Еще не заселенный небосвод
На ясные, но сонные поляны,
На смертью отзеркаленные страны
Дохнул огнем и холодом свобод.

И город мой, простуженный и серый,
В который я, как в зеркало, смотрю,
Казавшийся мне темною пещерой,
Встречает острой, воспаленной верой
Еще неподцензурную зарю.

В ней сдобный пар над черною землею
Волнуется, колдует и дрожит.
Наш Бог – импровизатор, он весною,
Непрошенной, веселою и злою,
Как творческой удачей, дорожит.

Над нами час Быка встает отвесно
И в дом бездомного приоткрывает дверь.
Мне в бесконечности немножко тесно.
Как это все, по сути, бестелесно –
Восторги встреч и немота потерь.

Востребован, хотя и не опознан,
Мой многоглавый, словно гидра, дар
Придет в наш мир не рано и не поздно
И всем покажет – вежливо, но грозно –
Значенье мысли, слова и труда.

Он зафиксирует для будущей науки
Год без весны, у вечности в плену,
Любовь без встреч, разлуку без разлуки
И то, как вздохи, шорохи и стуки
Взломали вековую тишину.

ОБ АВТОРЕ

Андрей Козырев – поэт, умеющий сильно и глубоко чувствовать. Сквозь его душу проходят тревоги и боли всего мира. Гражданские темы, природа, любовь, дружба, воспоминания о былом, религиозные переживания, современность и история, культурные события разных времен и народов – все это находит отражение и выражение в проникновенной лирике Козырева.

Андрей Козырев не только чувствителен и чувственен. Он способен профессионально транслировать свои чувства. Это поэт, обладающий сильным, звучным, гибким и свободным голосом. Его лирика красочна и многоцветна. В то же время, она очень музыкальна; стихи поэта выверены в интонационном и просодическом планах. Андрею Козыреву присущ богатый словарный запас, который, никогда не выпячивается. Словоупотребление этого поэта всегда точно и уместно. Необходимо отметить еще одно достоинство поэзии Андрея Козырева – естественность и вольность высказывания. Он никогда не говорит с напряжением или со стесненностью; его речь льется как широкий и уверенный поток.

Кирилл АНКУДИНОВ

Андрей Козырев – поэт настоящий. Потому что его стихи – существуют в стихии речи. Русской речи. Именно русской. Всеобъемлющей, уникальной, поистине грандиозной – по своим возможностям. Восприимчивой – и независимой. Строгой – и раскрепощенной. Щедрой на откровения. Сулящей постоянные открытия. Зовущей за собою – вперед, вглубь и ввысь. Являющей собою – дар свыше. Свободной. Родной.

В стихах Козырева явь и фантазия, повседневность и мечта, тонкий лиризм и эпический размах, медитация и своеобразная игра, философские рассуждения и чудесный наив, деликатная ирония и максимальная искренность, пристальное внимание к деталям и смелые обобщения, жизненный опыт и желание осмыслить и выразить тайны бытия, да и многое другое, все компоненты его поэтики, весь арсенал его средств изображения, весь этот ясный свет, пронизывающий стихи, сохраняющий их, земной и небесный, весь этот строй, музыкальный, певучий, звучащий везде и всегда, весь этот мир, создаваемый в непрерывном движении, – существует в неразрывном единстве.

Владимир АЛЕЙНИКОВ

Андрей Козырев — стихотворец со сложившейся поэтикой, с определившимся взглядом на мир и бытие. В рамках свободного стиха он нашел свою и притом узнаваемую форму. Как правило, это небольшое стихотворение, сочетающее, в лучших его вещах, одновременно лирический, философский и не лишенный иронии взгляд на мир. Читать их — интересно, а этот критерий дорогого стоит. Я думаю, мы можем ожидать от него яркого продолжения начатого.

Одаренные молодые стихотворцы, имеющие вкус к литературной и просветительской работе и обладающие необходимой для этого энергией и трудолюбием, — и есть наша надежда на будущее.

Алексей АЛЕХИН

Если в поэзии Лермонтова Белинский находил «стальную силу выражения», то о стихах Андрея Козырева можно сказать, что им свойственна гранитная твердость. Гранитная прочность и суровая правдивость. Сумрачная тяжесть и — одновременно — легкость, гладкость, почти невесомость. «Мы прочней и нежней, чем гранит», — эти слова Бориса Рыжого можно использовать для описания поэтической техники Андрея Козырева.

Алексей ПУРИН

Мне кажется, что Андрей Козырев делает в стихах именно то, к чему я зову.

Слова к нему льнут, и он помещает их туда, где им хорошо. «Вот потому и чувствует язык // во рту блаженный привкус русской речи, // что я к нему с годами не привык...» — это из прошлого тысячелетия, из моей самой первой публикации в журнале «Юность». С удивлением я читаю теперь у Андрея:

*Поговорим о том, с чем я знаком,
О том, что было ведомо немногим, —
О странном привкусе под языком.
О боли под лопаткой. И — о Боге.*

Он из немногих, кому это ведомо. У него свой голос, у него легкое дыхание и, конечно, высокие амбиции. Что ж, как мне кажется, они правомерны.

Дмитрий БОБЫШЕВ

СОДЕРЖАНИЕ

«Так вот она, моя дорога в рай...»	4
--	---

ПРОПОВЕДЬ ПТИЦАМ

Не только о пиджаке.....	6
Вращение Земли.....	7
Воробьиная ода.....	8
«Живу, как все. Гуляю на работу...»	9
«Потом, потом, когда-нибудь...»	10
Март.....	11
«Ветер, дым, хруст...».....	13
Белые стихи.....	14
Апрель	16
Клейкие листья	18
«Под небом ослепительно бездонным...»	19
Утоли мои печали.....	20
«Где-то в небе Бежин луг...»	21
«Я разбил над землей...»	22
Запретный город	23
«Мы расстались... Дома тихо спят...»	25
Песня	26
«Как души, озираясь с непривычки...».....	28
Темная вода	29
Проповедь птицам.....	30

ВЕРЕСК ЦВЕТЕТ

Вереск цветет.....	32
Веселый кактус.....	33
Любовь с первого взгляда	34
Скелет в шкафу	36
Сибирский альбатрос.....	37
Рыбный день	38
Особенно изысканный жираф	40
Кусты в Ольгино	42
Дух земли.....	43
Метаморфозы, или Одна ночь Андрея Вячеславовича	44

Тишина.....	50
«Ты спишь, запрокинув лицо к небосводу...»	53
Лето в городе.....	54
Сибирский часослов.....	56
Вечерний космос.....	58
Наивный космизм.....	59
Море.....	60
Бес содержания, бес сомнения.....	62
«Пусть это лето несерьезно...»	64
Проводы лета	65
«Тишина в природе...»	66
Кубические стихотворения	67

САД КАМНЕЙ

Пропись в клеточку.....	70
Порт-Артур	71
Призаводское	72
Омское метро.....	73
Девяностые	74
Бетонная роза.....	75
Соцреализм.....	76
Гаражи.....	77
Пустыри	78
Ночь в сквере.....	80
...Post skriptum.....	81
Бедные люди	82
Прогулка	84
Город.....	86
Петербург.....	88
Москва.....	91
Москва-Сибирь	92
Моя Сибириада.....	93

КРАСНОЕ НА ЧЕРНОМ

Золотой песок.....	96
К вопросу о происхождении человека.....	97
Стоицизм.....	98
Степная любовь.....	100

Волк.....	101
Скоморохи	102
Сентиментальный палач.....	103
Вийон покидает Париж.....	104
Колумб вернулся.....	109
Осень в Византии.....	112
Письмо из Мангазеи	114
Памяти Ивана Бухольца.....	116
Штрихи к портрету адмирала	118
«Я листал, словно старый альбом...»	119
На волне Павла Васильева.....	120
Козырев – Кутилову	121
Памяти Евгения Евтушенко	123
Снигирь	126
Смерть космонавта.....	128
Онлайн	130
Когда закончится Троянская война	133
Письмо в военном музее	135
Призыв к топору.....	136
Красное на черном	137
Жуткая колыбельная	138
Все о жизни.....	139
Чающий движения воды.....	140
Автоматические стихи	142

ПЕРЕОЦЕНКА ЦЕННОСТЕЙ

Ноябрь.....	146
Пустота	147
Поток сознания.....	148
Переоценка ценностей	151
Проснись и пой	152
Буря в стакане.....	152
Осенняя какофония	153
«Да. Так сложились обстоятельства...»	154
«Безразличный, бескровный, бессмысленный свет...»	155
«Прости меня. Мне плохо без тебя...»	156
«Ты лишила меня всего, любимая...»	157
Страсти-мордасти.....	158
«Стандартный неприкаянный рассвет...»	159

«Снова ветер свищет в чистом поле...».....	160
«Снег опускается медленно, словно прощенье...».....	162
«Этой серой зимы беспокойная проза...»	163
Костер.....	164
Жили-были.....	165
«Быть может, так и нужно - в горький миг...».....	166
Момент истины.....	167
«Кончились детские игры...»	169
Рубаи.....	170

Уильям Шекспир. Сонеты.....	173
Теодор Агриппа Д'Обиньи. Из книги «Гекатомба Диане»....	177

ЯСНОСТЬ

Дорога уходит вдаль.....	180
«Солнце летит по вселенскому кругу...».....	182
Прочное в сменах	183
«Рябина, снег и черная оградка...»	185
Бесы	186
Пир королей.....	188
Ледниковый период.....	189
Каменная баба.....	190
Ничто	191
Буря мглою	193
Стихи в декабре.....	195
Сочельник.....	196
«Рождественский вечер в бессмертном снегу...»	198
В храме	200
Бог	202
У камина.....	203
Дни Великого Поста.....	205
«Верно, беспримерными по силе...»	206
Февраль	207
Предсказание	207
Ода про свободу	210
Ясность.....	211
Об авторе.....	212

Литературно-художественное издание

Андрей Козырев

Сад камней

Сборник стихотворений

16+

В оформлении сборника использованы рисунки А.Козырева.

Подписано к печати 19.09.2025. Формат бумаги 60х84, 1/16.

Печать оперативная. Гарнитура Times New Roman

Усл. печ. л. 7,2. Тираж 200 экз.

Издательство «Менестрель».

644043, г. Омск, б. Архитекторов, 1/2